

Тёмные воды

АЛЕКСАНДР ПЯТАКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Пятаков

Тёмные воды

<https://litres.ru/74303412>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли построить счастливую жизнь на фундаменте из лжи и чужой крови?

В шестнадцать лет Вадим совершил роковую ошибку. Спасая первую любовь, Вику, он оставил страшную тайну на дне болот у спального района. Тогда, в начале двухтысячных, парню в дешевой ветровке казалось, что «тёмные воды» надёжно укрыли его прошлое, а впереди только свобода и большие деньги.

Спустя четырнадцать лет Вадим становится хозяином своей жизни. Он прошел путь от уличного пацана до циничного капитана убойного отдела, оброс связями, бизнесом и авторитетом. Но у судьбы извращенное чувство справедливости. Прошлое не просто возвращается, оно бьет по самому дорогому. Подростая дочь Марина начинает повторять опасный путь отца, связываясь с тёмной триадой, а старые грехи Вадима всплывают наружу, угрожая уничтожить всё, что он строил.

Это история о том, что из «тёмных вод» юности нельзя выйти сухим. Капитану полиции придется вступить в самую жестокую схватку в своей жизни, не за погоны или деньги, а за душу...

Александр Пятаков

Тёмные воды

ТЕМНЫЕ ВОДЫ

Глава первая. Берег

Дождь в их дворе не заканчивался. Он просто менял агрегатное состояние: с ливня переходил в мелкую, колючую морось, которая оседала на облупленных подоконниках хрущёвки, ржавых отливах пятого этажа и глубоких лужах между гаражами. Вода в них стояла мутная, с бензиновой плёнкой, в которой плавали окурки, обрывки пакетов и ржавые гвозди.

За последними панельками их микрорайона, за полем где весной пасли худых кляч, начиналось болото. Оно тянулось сотнями метров, уходило в сторону старой лесопосадки, и никто из местных не знал, где оно кончается. Вода там стояла чёрная, густая, с ряской, тиной и плавающими ветками. Пузыри поднимались со дна, лопались, выпуская запах прелой листвы и ила. Туда они уходили от всех, когда на душе было совсем тяжело, тогда когда хотелось по быть одним, пить пиво и курить. Туда не заходили менты, туда не лезли старшеклассники из центра. Это было их место, их убежище, их тёмные воды.

Вадим сидел на бетонной скамье у подъезда №3, под козырьком, где цемент давно покрылся серым мхом и плесе-

нию, ему было шестнадцать лет. Родился он в январе 1991-го, но выглядел старше, он был высокий но сутулый, будто привык втягивать голову в плечи чтобы казаться меньше. Лицо худое, с резкими, угловатыми чертами: выступающие скулы, прямой нос с небольшой горбинкой, густые тёмные брови, которые он постоянно хмурил. Волосы - тёмно-русые, жёсткие, стриженные под машинку, но уже отросшие, торчащие в разные стороны. На левой брови красовался шрам полученный от удара арматурой в дворовой драке прошлой зимой. Глаза серо-зелёные, с тёмными кругами под ними от недосыпа и усталости, ведь ему приходилось подрабатывать грузчиком по ночам, днем на стройке подсобником. Взгляд у него был тяжёлый и пристальный, будто он постоянно сканировал пространство на предмет угрозы.

На нём была старая спортивная ветровка черно - синего цвета рукава которой он постоянно закатывал до локтей, светлые джинсы с протёртыми коленями а на ногах у него были кроссовки «Адидас», подделка с рынка, которые он носил уже практически не снимая, так как не имел возможности приобрести себе другую обувь, а все потому что он экономил на всём, таким было все его детство. Он особо не выделялся среди ребят во дворе, но был значительно беднее своих одноклассников которые кичились своими фирмовыми шмотками.

Он курил крепкий "Альянс", не потому что нравилось, а из то его не большой стоимости и крепости сигарет, ему то-

гда казалось что так их хватает на дольше. Затягивался он редко и глубоко, стараясь, чтобы дым уходил в сторону, а не ей в лицо. Пальцы у него были длинные со сбитыми костяшками а на запястье красовались дешевые часы Casio, которые он выменял на пару бутылок паленой водки купленную у бабок во дворе.

Вика же сидела рядом с ним, поджав ноги под себя. Ей тоже было шестнадцать, родилась в ноябре 1991-го. Но выглядела младше — хрупкая, миниатюрная, не выше метра шестидесяти. Тонкая, почти прозрачная, с острыми ключицами, которые проглядывали через воротник блузки. Лицо её было овальным, с мягкими чертами: маленький прямой нос, пухлые губы, которые она постоянно кусала до крови, большие глаза цвета тёмного мёда с зелёными вкраплениями. Ресницы у неё были светлые, почти незаметные, поэтому глаза казались ещё больше а её светлые русые волосы спускались до плеч, тонкие, без объёма, которые она собирала в хвост резинкой. На виске был маленький шрам от падения с качелей в детстве, который она прятала чёлкой.

Она была одета в тот же самый темно-синий приталенный пиджак, который носила с седьмого класса а под пиджаком была белая блузка с накрахмаленным воротником и юбка до колен в цвет пиджака. На ногах ее были дешевые туфли на низком каблуке, купленные ей для школы. Она знала, что над ней смеялись в школе из за низкого достатка её семьи и дешевой одежды, но она всегда гордо поднимала подборо-

док, когда шла по школе или двору. Они оба были из одного поле ягода.

Вот и сегодня они сидели вдвоём, в тишине... Между ними на скамье стояли две бутылки пива и рядом лежала пачка "Альянса", так они коротали время за оживленной беседой, им нравилось их общение, ведь никто их так не понимал, как они друг друга.

— Завтра контрольная по алгебре, — сказала она тихо, не поворачивая головы. Голос у неё был негромкий, с лёгкой хрипотцой, как будто она давно разучилась говорить громко или просто боялась что её услышат лишние уши, хотя там, на "темных водах" никого кроме них не было.

Он выбил пепел в лужу у своих ног, тот упал и не растворился, а поплыл к краю, где вода становилась темнее и маслянистее.

— Знаю, — ответил он.

— Я не выучила, совсем. Сидела вчера до двенадцати, пыталась эти уравнения решить, но ничего не понимаю, вообще ноль. Учительница говорит, если не сдам, то тогда за четверть выйдет тройка... Ты же знаешь что мне моя мама скажет, она потом меня на улицу не выпустит.

— Я тоже не выучил, но более менее волоку в алгебре — он сделал затяжку, медленно выдохнул дым через ноздри. Дым смешался с сыростью воздуха, с запахом мокрого бетона и гниющей листвы.

— Не бойся, чтонибудь придумаем.

— Я боюсь что не смогу списать или спишу не правильно.

Она ходит между партами и смотрит постоянно.

— А разве это проблема? я всё решу, ты главное успокойся и не суетись на уроке. Не думай об этом, я рядом и всё будет хорошо, прорвёмся.

Он повернулся к ней, в полутьме вечернего света её глаза казались темнее обычного, не чёрными а просто глубокими, как омут.

Она улыбнулась ему в ответ, ей всегда было спокойно на душе когда он был рядом с ней.

— Уже стемнело, нам пора идти домой, а то мне попадёт от матери, ты же сам прекрасно знаешь как она переживает за меня — взгрустнула она.

— Ну пошли провожу, да и сам наверное тоже домой пойду. День сегодня был длинный и тяжёлый, не мешало бы отдохнуть.

Они не спеша встали и пошли, благо они жили в одном доме и росли в одном дворе. Двор их располагался на отшибе микрорайона, он был плотно усажен тополями, это был обычный спальный район - тот куда залётные фраера старались не лезть, здесь были свои законы и принципы. И вот

спустя короткое время они подошли к ее подъезду.

— Послушай, там внутри кто-то включил музыку, — сказала она, прислушиваясь.

В то время местные ребята любили зависать в подъездах и подвалах домов, там они пили, курили и просто общались, это была их территория

Из щели в двери подъезда №3, действительно, доносились приглушённые звуки. Кто-то на пятом этаже крутил кассету «Кино». «Группа крови» плыла по подъезду, просачивалась через щели, смешивалась с запахом сырости и мочи, возгасы дрожали в бетонных стенах.

— Слышишь? — она напряжённо оглянулась по сторонам.

— Слышу, это Витка с третьего, ему отец на днюху подарил магнитофон с дисками, он еще от батареек может работать, вот теперь и вытрёпывается перед пацанами.

— Повезло ему.

— Не завидуй, у нас тоже всё будет со временем — он посмотрел на неё. — Я знаю.

— Почему?

— Потому что я верю в нас, в то что мы много добьёмся в этой жизни. Не бывает неразрешимых проблем - бывают не приятные решения. Заработаем и купим, у нас же нет бога-

тых родителей как у него.

Она замолчала и посмотрела на небо. Тучи плыли низко, серые, тяжёлые а где-то вдали грохотал трамвай по рельсам, тихо идя на конечную. Звук долетал приглушённо, как через вату.

— Завтра они придут снова, — сказала она тихо.

— Кто?

— Новые ребята. Тот высокий... как его... Денис и его друзья, они не отстанут.

— Пусть приходят.

— Ты не понимаешь, они злые, отбитые на всю голову. Они... они кайфуют когда видят, что я плачу, им это нравится.

— Ублюдки, с толпой мне не справиться, но я обязательно разберусь с ними ч о бы они отстали от тебя — он затушил окурок о бетон и выбросил в урну у подъезда. — У них нет ничего, нет ума, нет таланта, нет будущего. Они только толпой могут унижать тех, кто слабее и считать себя крутыми друг перед другом . Это их способ самоутвердиться, одним словом петухи.

— А ты не боишься их? — спросила она наконец. — Вдруг они тебя побьют?

Он медленно затянулся сигаретой и выдохнул в небо, наблюдая как дым растворяется в вечерней мгле.

— Ну значит судьба такая, — сказал он просто и без пафоса. — Если с этим ничего не делать то они в край оборзуют.

Ответ повис в воздухе, тяжёлый как и сам разговор. Она покраснела, опустила глаза а её пальцы нервно теребили край рукава.

— Глупости, — прошептала она, но голос её дрогнул.

— Не глупости, поверь мне. Нельзя оставлять борзоту безнаказанной иначе это может со временем выйти боком.

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Пойдем во внутрь, я провожу тебя до двери.

— Пойдём, только ты пожалуйста сразу домой иди как меня проводишь, а завтра утром увидимся перед школой.

Так и закончился этот день, свет сменяет ночь и рассвет озаряет новый день.

Школа №14 стояла на окраине, за гаражным кооперативом «Рассвет», который давно развалился: половина гаражей стояла с выбитыми воротами, в некоторых жили бомжи, в других еще стояли машины, мужики жарили мясо и пили водку. Здание школы было старым, кирпичным, построенным ещё в семидесятых. Высокие окна с широкими подоконниками, на которых зимой всегда запотевали стёкла, а вес-

ной текла ржавая вода из треснувших водостоков. В коридорах пахло хлоркой, которой мыли полы каждый вечер, мелом от досок, дешёвым парфюмом учительницы истории Марии Петровны, которая неизменно пользовалась одними и теми же духами «Красная Москва».

Класс 11 «Б» был последним перед выпуском. В этом году к ним перевели троих из другой школы, а точнее лица, из отчислили оттуда из-за пропусков и отвратительного поведения — борзые, высокие и очень самовлюблённые ребята, им было плевать на всех и вся, их волновало лишь только то чего они хотят. Поэтому отношения в новом выпускном классе с другими учениками и даже учителями они выстраивать не собирались, а лишь понтовались всё время, ведь они были не из бедных семей и считали новый класс просто задротами.

Первый раз они обратили внимание на неё в середине октября. Она сидела за партой у окна, на последнем ряду, в том же самом пиджаке, который носила всё время.

И вот в этот день те самые новые ребята переглянулись и один из них подошёл к её столу. Звали его Денис, он был высоким парнем в кожаной, дорогой куртке и лаковых туфлях. Отец у него держал ларьки на рынке, а мать работала бухгалтером в какой-то фирме. Поэтому он чувствовал себя королём.

— Это что за винтаж? — спросил он с ухмылкой, касаясь пальцем рукава её пиджака.

Голос был громким, специально наигранным для публики.

Она не ответила, просто убрала его руку от себя и сжала кулаки.

— Ау, ты слышишь? — он наклонился ближе. — Я спросил, это что с барахолки или донашиваешь за кем то?

В классе стало тихо, все молча смотрели за развитием событий. Кто-то злорадно ухмылялся, кто-то отвёл взгляд а то-то уткнулся в тетрадь, делая вид что что-то пишет.

— Отвали от неё, — сказал Вадим, не поднимая головы от тетради, он сидел через парту от неё, по диагонали. Рука уже легла на край стола а пальцы сжались в кулак.

Денис повернулся и усмехнулся.

— А, это ты, защитничек. Слышали, один нищеброд другого защищает, случаем не влюбился ли ты в эту бомжиху?

— Слышь, балабол, извинись перед ней, — сказал Вадим поднимая голову, он смотрел прямо в глаза Денису. — Не стыдно быть бедным, стыдно быть дешёвым, как твои понты.

— Я смотрю ты тут самый смелый, — усмехнулся Денис. — Так что давай после уроков побазарим, за школой, ну если ты не засышь, олень.

Денис снова повернулся к Вике.

— Я сказал, отстань от неё, — повторил Вадим.

— А если не отстану? Что сделаешь? Ударишь? Давай, ударь. Только потом не жалуйся директору. И мамочке не звони когда ты будешь кровавые сопли на пол пускать.

Удар пришёл неожиданно. Денис был быстрее, его кулак врезался в плечо, затем второй в ребро. Вадим не стал уврачиваться, он принял эти удары.

В ответ он нанес тройку коротких, но довольно жёстких ударов Денису, двое в лицо и один в ухо, тот упал в проход между рядами зацепив парту. Вика вскрикнула от неожиданности...

Тут же вскочили двое его приятелей и двинулись на Вадима, один из них схватил стул и попытался ударить им но промахнулся, тем самым дав шанс на удар, единственный но мощный. Он отшатнулся и замер, кровь потекла по его лицу. Вадим рассек ему бровь, кровь капала на пол и весь класс замолчал.. Тут в кабинет влетела учительница

— Что вы тут устроили, вон из класса! — закричала учительница математики, ворвавшаяся в этот момент. — К директору со мной живо, там и разберёмся!!!

Вадим вышел первым, не оглядываясь. Знает, что она смотрит ему в спину, ему было неудобно перед Викой, за то

что заставил ее понервничать. Но она выбежала за ним следом и обняла его.

— Ты зачем это сделал, они могли убить тебя — сказала она наконец. — тебе больно?

— Не больно, — соврал он.

— Врёшь. Я вижу что ты держишься за ребро.

— Ладно. Больно. Но не так, как тебе было бы, если бы я молчал. Если бы позволил ему тебя унижать.

— Почему ты не молчишь? — она повернулась к нему. В её глазах стояли слёзы, но она не давала им воли.

— Спасибо за то, что заступился за меня...

— Потому что если я дам им сегодня, завтра они потребуют больше а послезавтра ещё больше. А потом они тебя сломают, но не физически а душевно. Заставят поверить, что ты — ничто. А это не так, ты лучшее что есть у меня в этом мире.

Она посмотрела на него, взгляд был долгим, в нём было что-то, чего он раньше не видел. Не благодарность, не жалость а что-то другое, настоящее. То, что рождается не из слов, а из молчания. Из того, что осталось несказанным, из того, что прячется между строк.

— Завтра они придут снова, — сказала она.

— Знаю.

— И послезавтра.

— Знаю.

— И каждый день до конца года.

— Пусть.

— Может нам уйти в другую школу или другой класс?

— Нет, это не решит проблему, от себя не убежишь, да и бегать от проблем я не очень люблю.

Они пошли по коридору в кабинет директора. На улице моросил дождь.

Он шёл чуть впереди. Не для того, чтобы показать силу а для того, чтобы заслонить её от косых взглядом и прочего, от всего мира. Она шла следом за ним, слепо, как всегда....

Весна была в самом разгаре. После серой зимы, мартовских дождей и грязи, любое солнце казалось чудом, снег растаял обнажив прошлогодний мусор: ржавые банки из-под пива, автомобильные покрышки, бычки и прочий мусор, который ветер гонял по двору. Уже вылезла зеленая трава на прогретой солнцем почве, короны деревьев на пустыре за гаражами покрылись красивой листвой, они пахли спокойствием, дождём и чем-то ещё... Чем-то живым, что пробивалось сквозь асфальт и бетон.

Он любил это время, потому что в мае они наконец-то могли сидеть на скамье без курток, без шапок. Без ощущения, что холод проникает под кожу и остаётся там навсегда, отравляя кровь.

В школе начались выпускные экзамены. Кто-то паниковал, бегал по коридорам с конспектами, умолял списать. Кто-то безразлично сдавал листы, им было всё равно, какой они получат аттестат - знали что школа обязана их вытянуть и выпустить. Кто-то уже знал, что уедет отдыхать, ведь родители уже обо всём договорились, купили место в санатории. Кто-то знал, что останется - некуда ехать, не на что жить.

Он знал одно: скоро его заберут служить, придёт повестка а с ней и расставание на два года с любимой девушкой Викторией... Срок службы — два года. Часть работала по старой развёртке, переход на годичный срок до них ещё не докатился. Два года казармы, два года вдали от неё и от дома. Он не боялся армии, его не пугала неизвестность, он просто ждал.

Выпускной был в конце июня, школу украсили бумажными гирляндами, которые делали сами же учащиеся и воздушные шары, которые выцвели на солнце. Директор высокий, полный мужчина с красным лицом, он много говорил о будущем, о выборе, о том, что они стоят на пороге новой жизни. Говорил долго, нудно, повторяя одно и то же. Учителя плакали - кто от радости, кто от горя, кто от усталости. А кто то стоял молча, с усталой улыбкой на лице, были и те кто уже думал о том, как уйдёт отсюда навсегда, забудет эти стены, эти запахи, эти лица.

Они стояли у стены, в стороне от танцующих, в полутьме коридора. Она была в светло голубом платье с люрексом, которое сшила её мать сама. Платье сидело идеально по фи-

гуре, а распушенные волнистые волосы завершали ее образ, тонкие локоны на лице подчеркивали ее женственность и красоту.

Он был в белой рубашке и черном классическом костюме, новых туфлях. Все это он смог позволить себе за пол года подработка на стройках, время тогда было не для всех легким, мать его получала копейки на заводе и он понимал это и старался всегда зарабатывать сам.

Выпускной был в самом разгаре, он с нескрываемым восторгом смотрел на Вику и понимал, как же ему повезло с ней. Он шагнул ближе, коснулся её локтя, потом скользнул пальцами по запястью, чувствуя, как бьётся пульс под тонкой кожей. Она подняла на него глаза, те самые, цвета тёмного мёда с зелёными вкраплениями, и в них не было страха. Только тихое, почти болезненное принятие. Он наклонился, не спеша, и поцеловал её в губы. Не жадно, не для публики, а просто чтобы запомнить ее вкус, насладиться ею. Ему хотелось запомнить это всё, тепло что просачивалось сквозь тонкую ткань её блузки, запах духов и её глаза, которые на тот момент искрились счастьем. Его рука легла ей на талию, пальцы упирались в позвонки, она выдохнула, прижалась лбом к его плечу, и на секунду коридор, музыка, гомон выпускников — всё растворилось. Осталось только дыхание. И ощущение, что если отпустить сейчас, то уже не догонишь. Но и нотка тоски играла в его голове, он понимал что вскоре им предстоит пройти новое испытание. Музыка из динамиков

хрипела, бас гулким эхом бился о стены коридора, но они стояли в стороне, будто за невидимой чертой. Вика поправила лямку сумки, пальцы дрожали, но она не убирала руку. Он видел это, но не спрашивал. Они оба знали, что завтра всё изменится. Или уже меняется...

Глава 2. Разлука

Повестка пришла в конце августа. Лежала в почтовом ящике, под старой газетой и квитанцией за свет. Он не открывал её сразу а положил на стол, рядом с пустой кружкой от чая. Мать вошла на кухню, увидела конверт, открыла его и прочитала, затем молча налила воды и поставила перед ним. Голос у неё был ровный, без слёз, без причитаний. Просто констатация факта.

— Не переживай сынок, главное верить и всё будет хорошо, может только на год призовут.

Он молча кивнул, встал и подошёл к окну. А за ним во дворе на асфальте дети мелом рисовали счастье, кто то солнце, кто то радугу, а кто то машинку о которой давно мечтал. Теплый ветер гнал пыль по дороге, поднимая её в воздух, а солнечный свет заливал зелёные газоны.

Вечером они встретились у подъезда. Она была в той же блузке, только теперь поверх накинула тонкий кардиган, он был всё в той же ветровке с закатанными рукавами, но теперь

на запястье рядом с часами часами висел тонкий шнурок с медальоном, который она подарила ему на выпускной.

— Два года, — сказала она, не глядя на него. Голос её был ровный и спокойный как всегда. — Я буду учиться, решила подать документы в медицинский колледж, буду подрабатывать после пар. Ты не переживай, я обязательно дождусь тебя, ведь ты нужен мне.

— Я спокоен, мне не о чём беспокоиться, — ответил он. — Ты никогда не давала повода усомниться в тебе. А насчёт колледжа, это ты правильно решила, без образования сейчас никуда, я после армии тоже планирую поступать учиться, правда еще не определился куда.

— А если... — она запнулась, пальцы сжали край кардигана. — А если что-то пойдёт не так?

— Не пойдёт, — сказал он улыбаясь. — Все в этой жизни зависит от нас самих, если хернёй не страдать, то все будет хорошо.

Она шагнула ближе, уткнулась лицом в его грудь и он почувствовал, как дрожат её плечи. Он крепко обнял её одной рукой, а другой скользнул по спине, чувствуя нежную кожу под тонкой тканью блузки и медленно, не спеша поцеловал её в губы, вдыхая её запах. От неё исходил тонкий аромат сладких, цветочных духов, в перемешку с чего-то родным, тем что оставалось только с ней. Она обняла его за шею

своими тонкими и нежными руками, слегка поглаживая его волосы. Затем он коснулся кончика её носа своим, медленно, прижимая её к себе и на секунду мир сжался до точки, где сходятся их дыхания. Потом она положила свою голову ему на плечо и вытерла уголок глаза тыльной стороной ладони, как бы она не была спокойна, но мысль о долгой разлуке терзала её душу. Они еще не долго побыли в объятиях друг друга и пошли по домам. Шаги гулко отдавались от панелей многоэтажек смешиваясь с их звонким смехом, в этот вечер они останутся вдвоём до утра...

Время летело незаметно, недели сменяли дни, это лето было только для них двоих. Каждый день они проводили вместе, от рассвета и до заката, будто пытаясь насладиться друг другом впрок. Но и этого им было мало, их всё больше и больше тянуло друг к другу, как две ручья сливаясь в одну реку, они сливались в потоке страстей.

Но время было неумолимо, очень подкралась незаметно. Сентябрь, дождь моросил превращая перрон в скользкое зеркало в котором отражались обшарпанные зелёные вагоны, тусклые фонари и фигуры в плащах и шинелях. Она была рядом с ним, крепко обнявшись они стояли не замечая всей той суеты что была на перроне, только он и она. Слезы текли по её щекам а в горле стоял ком, как же ей не хотелось этой разлуки. Но ему выпала честь служить в десантуре под Псковом, а это совсем другой город и большое расстояние между ними пугало её, Вадим же держался уверенно, всем

своим видом пытался внушить ей спокойствие, хотя у самого на душе было тяжело. Он стоял у вагона с рюкзаком за спиной, когда был отдан приказ на погрузку. На прощание, он поцеловал её и дал ей обещание вернуться домой живым и здоровым.

Поднявшись в вагон он сел у окна и смотрел на неё как в последний раз, как будто пытался запомнить её образ.

— Как доедешь, обязательно мне напиши, я буду ждать — сквозь ком в горле прокричала ему Вика.

— Обязательно напишу, ты береги себя и пиши мне — ответил он ей в форточку.

Поезд тронулся, она стояла и смотрела ему вслед а по щекам её катились слёзы.

Жизнь разделилась на две части,но они всё так же оставались одним целым.

Он принял присягу и начались суровые армейские будни, по началу ему было очень тяжело, но Вадим быстро привык к распорядку и новому формату общения. Первые пол года были самые тяжёлые, но письма из родного дома и от его возлюбленной помогали ему морально, ведь даже на расстоянии, когда он читал письма, то представлял её пред собой и на сердце становилось спокойнее и теплее.

Вика смогла поступить в колледж на бюджетной основе, ведь она была далеко не глупой девушкой и всегда старалась

доводить всё до конца, особенно если это было запланировано заранее. Она спокойно сдала вступительные экзамены и даже нашла новых знакомых, особенно она сдружилась с одной сокурсницей Аней, она была иногородняя и проживала в общежитии на территории этого колледжа. После занятий они частенько гуляли по городу, пили пиво и говорили о своём, но в этот раз случилось непредвиденное...

Еще с самого утра казалось бы всё было хорошо, до колледжа добралась не стоя в переполненном трамвае, а спокойно, сидя на одиночном сидении у окна за водительской кабиной. По дороге от остановки купила себе пирожок с картошкой и обжигающий кофе, погода была серая и каждый глоток кофе наполнял тело теплом а аромат свежей выпечки поднимал настроение. Уже только на третьей паре Вика обнаружила что у неё кто то вытащил кошелёк из сумки, она осмотрела все свои вещи в надежде на то что просто переложила его куда то и забыла, но увы.. Его нигде не оказалось, она сразу же хотела обратиться к своему преподавателю, но не решилась, так как не могла вспомнить, точно она положила его в сумку после покупки кофе или всё же не заметила и обронила в спешке. Одно только оставалось ясно - домой ей придётся добираться пешком, так как денег не было совсем, да и проездной билет был в том самом кошелёке. Просить у кого либо в займы она не любила и никогда этого не делала, прекрасно понимая то что это может выйти боком, да и она привыкла добиваться всего сама без чьей либо помощи, ну

за исключением Вадима. Ведь его не нужно было о чем либо просить, он всё делал сам для неё, как будто слышал её мысли, чувствовал её желания.

— Как же мне тебя сейчас не хватает, — подумала она. — Интересно как он там, всё ли у него хорошо?

Глубоко вздохнув, Вика, отсидела оставшиеся пары и направилась на выход, за ворота колледжа, как её окликнула Аня.

— Вик, постой, подожди меня.

Поровнявшись с ней, она открыла свою сумку и протянула тот самый кошелёк.

— Привет, ты ничего не потеряла? — улыбнулась Аня. — Я у одногруппника забрала на парах как увидела, сразу поняла что он твой, проверь, всё ли на месте?

Она и правда забрала у одногруппника этот кошелёк, он был очень приметный - обтянут светлой джинсой с эффектом состаренности а с лицевой стороны был вышит американский флаг. Открыв его и увидев проездной и пропуск на имя подруги она не растерялась и побежала искать ее по колледжу.

— Ой, спасибо огромное, да, всё на месте - с нескрываемым восторгом ответила Вика. — Ну подруга, ты даешь. А как он у него оказался, что он сказал?

— Говорит, когда по лестнице в толпе поднимался то наступил на него, а потом поднял и положил в себе в рюкзак. Я так думаю он надеялся что хозяин не найдётся, это чисто случайно повезло что он засветил его под партой, я же за ним сижу как раз.

— Ммда... и правда повезло, это надо отметить, может по пивку?

Аня согласилась и они пошли до ларька, он находился недалеко от главного корпуса общежития.

Ларёк, металлический, с шелушащейся краской на стенах был местом притяжения местных студентов. Здесь всегда было дешёвое пиво, заварная китайская лапша и сигареты. Продавщица, женщина лет сорока пяти с усталым лицом и коротко стриженными по каре мелированными волосами, молча приняла мятые купюры, отсчитала сдачу и поставила на прилавок шесть полулитровых, стеклянных бутылок «Жигулёвского», пару пачек сухариков с привкусом копчёностей и пару пачек сигарет. Хотя денег у Вики было не много, она просто решила хоть как то отблагодарить Аню за то что она вернула ей кошелёк. Рассчитавшись они пошли по улице, где серое небо нависало над крышами, словно мокрое одеяло, и не спеша направились в сторону общежития, стараясь держаться теней, чтобы не привлекать внимания прохожих, чьи шаги гулко отдавались от асфальта, а зонты, раскрытые над головами мелькали вдали как чёрные грибы.

Они присели на деревянную скамью у трансформаторной будки, за гаражами, где асфальт давно потрескался и в щелях пробивалась жёлтая, сухая трава. Бутылки открылись с глухим шипением, пена, густая и желтоватая, полезла через край, обжигая пальцы холодом и горечью. Вика сделала первый глоток осторожно, морщась от резких газов которые резали язык и оставляла на нёбе металлический привкус, но Аня уже отпила половину, вытерла губы тыльной стороной ладони и усмехнулась, глядя куда-то поверх крыш, туда, где тучи сливались с горизонтом в одну бесконечную серую полосу.

— А знаешь, в чём приколы? — начала она, не поворачивая головы, голос её звучал чуть громче обычного, но без надрыва, ровно, как будто она проговаривала мысли, которые давно уже сформировались в голове и ждали только удобного момента, чтобы вырваться наружу. — В том, что все мы тут, в этом городе, как будто на остановке стоим и ждём автобус, который то ли придёт, то ли нет, не известно.. А пока стоим, мокрые и зябнем, всё смотрим как другие садятся в такси и куда-то уезжают, а мы всё стоим и думаем что вот сейчас с минуты на минуту нам повезёт. А потом понимаешь что автобуса не будет, потому что маршрут давно закрыт, а ты всё равно ждёшь, потому что идти некуда, потому что идти домой, ну или в общагу, а это ещё хуже, чем стоять здесь под дождём.

Вика не ответила сразу, она смотрела как капли оседают на горлышке бутылки, как пена медленно спадает обнажая тёмное, мутное стекло, и чувствовала как тепло от алкоголя медленно разливается внутри, смягчает острые углы тревоги которая грызла её с утра. Она перевела взгляд на Аню, на её тонкие пальцы что обхватывали горлышко бутылки, на потёртые джинсы, на кроссовки, которые судя по всему она носила на убой не первый год и вдруг поняла, что эта девочка, с которой она познакомилась всего пару недель назад, говорит ровно то, что сама Вика боялась произнести вслух, потому что слова имеют свойство превращаться в факты, а факты в ответственность от которой некуда деться.

— Мне кажется, я просто устала бояться всего, — произнесла она наконец, и голос её прозвучал тише, чем она хотела, но слова упали в воздух не как жалоба а как признание, тихое, но твёрдое. — Устала ждать, что вот сейчас всё наладится, что мама перестанет проверять каждый мой шаг, что Вадим напишет что всё хорошо, что армия не сломает его, что колледж не вытянет из меня последние соки, что я не проснусь однажды и не пойму что потратила эти годы на ожидание, а не на жизнь. Я просто хочу, чтобы кто-то рядом сказал: «Всё будет хорошо, я с тобой», и чтобы я ему поверила даже если это будет неправда. Потому что правда сейчас слишком тяжёлая, она давит на грудь, мешает дышать, а

мне нужно просто выдохнуть и успокоиться.

Аня посмотрела на неё и в её глазах, тёмных и внимательных, не было ни жалости, ни снисхождения, только спокойное, почти профессиональное понимание, которое появляется у тех кто сам прошёл через подобное и научился не ломаться под весом обстоятельств, а просто гнуться как ива под ветром, чтобы не сломаться.

Медленно и с наслаждением она сделала ещё пару глотков и поставила бутылку на скамью, задумчиво прикурив сигарету.

— Тогда давай не будем ждать автобуса, — сказала Аня, и в голосе её появилась та самая твёрдость, которая не нуждается в подтверждении. — Давай допьём и пойдём ко мне. В общежитии сейчас тихо, комендантша у нас нормальная тётка, дежурная тоже сегодня будет нормальная, так что можно будет посидеть и поболтать по нормальному, так что оставайся. Мать твоя же зашлёт, если явишься в таком виде да ещё и поздно, начнёт допрашивать где была, с кем, почему пахнет пивом, почему сумка мокрая, почему глаза красные. А тебе это надо? Хоть. По нормальному пообщаемся, а не пюкак обычно. Переночуешь на соседней койке у нас девчонку одну родители домой забрали, так что есть свободное место. Ты не ссы, никто не заметит, утром уйдёшь как будто ничего и не было.

Вика хотела отказаться, привычка говорить «нет» срабатывала автоматически как рефлекс, выработанный годами жизни в доме, где каждый шаг требовал отчёта, где каждая минута вне контроля воспринималась как потенциальная угроза, но она посмотрела на бутылку пива в своих руках, на небо которое стало ещё темнее и поняла, что отказ сейчас будет не проявлением силы, а просто ещё одним шагом назад, ещё одной попыткой спрятаться от того что уже давно произошло. Она кивнула медленно, без слов, и Аня улыбнувшись открыла еще по бутылочке пива. За разговором время пролетело незаметно и пора уже было возвращаться в общагу. Поднявшись со скамьи, Аня стряхнула с джинсов пепел от сигарет, капли дождя с сумки и кивнула в сторону улицы где уже зажигались первые фонари, тусклые, жёлтые, будто-то светлячки в поле. По дороге они скинулись и купили в ларьке пару полторашек джин тоника, и пару полторашек пива.

Общежитие располагалось на отшибе за парком, в старом пятиэтажном здании которое когда-то принадлежало заводу, а теперь отдали колледжу под нужды иногородних студентов. Подъезд пах сыростью, хлором и чем-то сладковатым, как будто кто-то недавно варил компот из сухофруктов и не проветрил помещение. Лестница скрипела под ногами, ступени были стёрты до блеска в середине, а перила давно потрескались от времени. На третьем этаже Аня останови-

лась у двери с табличкой «307», достала из кармана ключ, медленно повернула его в замке и дверь открылась с глухим щелчком, впустив их в коридор где горела одна лампочка, мигающая, как уставшее сердце, а из-за приоткрытых дверей доносились приглушённые голоса, смех, звук закипающего чайника и тихий, почти незаметный гул радио, играющего в чьей то соседней комнате.

В комнате куда они вошли сидели девушки: Лена, высокая, с коротко стриженными тёмными волосами и широкими скулами, которая курила у открытого окна, выпуская дым в сырой воздух; Катя, тонкая, в очках с толстыми стёклами, которая сидела на подоконнике и перелистывала учебник по анатомии, делая пометки карандашом. Маша, приземистая, с веснушками на носу и постоянной полуулыбкой на губах, которая возилась у стола раскладывая на газету сыр, хлеб, «Доширак» и банку тушёнки, которую, судя по всему только что открыла ножом, потому что крышка была погнута. Все они обернулись когда Вика переступила порог и на секунду в комнате повисла тишина, тяжёлая, но не враждебная, просто оценивающая, как бывает в местах где люди живут в тесноте и быстро учатся различать тех кто пришёл ненадолго от тех, кто останется.

— Это Вика, моя подруга, — сказала Аня, закрывая дверь за собой и голос её прозвучал ровно, без лишних интонаций. — она переночует на освободившейся койке, за одно побол-

таем и бухнём, мы сегодня не с пустыми руками.

Лена кивнула, стряхнула пепел в жестяную банку из-под леденцов, подошла к столу и налила в стакан дешёвое вино которое достала из-под кровати, протянула Вике, и в этом жесте не было ни фальши, ни показного радушия, только простая, бытовая щедрость которая появляется у тех кто давно перестал ждать от мира подарков и научился делиться тем, что есть. Вика взяла стакан и сделала пару глотков, вино был крепким, с привкусом вишни и спирта, но оно не резало а согревало проникая внутрь медленно, как вода в сухую землю. Она села на край свободной койки, сжала колени и сначала не знала что сказать, как держаться, потому что привыкла быть невидимкой, а здесь её видели и это было непривычно, почти пугающе, но Аня уже налила себе в кружку вино, Катя отложила учебник, Маша положила на хлеб сыр и разговор начался сам собой, без пауз, без неловкости, как будто он уже давно шёл и просто они ещё не знали что участвуют в нём.

Говорили обо всём и ни о чём: о преподавателях, которые требовали невозможного, о практикумах, где пальцы дрожали, когда нужно было делать уколы, о парнях, которые приходят в общагу с цветами и уходят с пустыми руками, о письмах, которые приходят раз в месяц, о том, как трудно ждать, когда не знаешь, что происходит там, за сотни километров, в казарме, где холодные стены, где дисциплина, где время

течёт иначе, где каждое утро начинается с команды, а не с рассвета. Вика слушала и отвечала на вопросы коротко, потом длиннее, потом перестала подбирать слова, позволяя им вырываться самим, как будто плотина которую она строила годами треснула и вода, накопленная в тишине наконец вышла наружу, не разрушая, а просто заполняя пространство, делая его живым. Она рассказывала о Вадиме, о том как он смотрел на неё на выпускном, как обнял её на перроне, как писал что всё нормально, что служба тяжёлая но терпимая, что думает о ней каждый вечер когда гаснет свет в казарме и как она читает эти строки прижимая бумагу к груди, чувствуя, как запах чернил и пота смешивается с запахом дома и как она боится, что два года — это слишком много, что за это время можно изменить слишком многое, что можно разлюбить, забыть, уйти, но при этом знает, что он не уйдёт, потому что он такой, потому что он сказал и она верит, даже когда вера кажется глупой, даже когда вокруг все говорят, что любовь на расстоянии это иллюзия, придуманная теми, кто не хочет брать на себя ответственность.

Девушки слушали не прерывая, не давая советов, не пытаясь утешить, просто находясь рядом и в этом молчаливом присутствии было больше поддержки чем в любых словах, потому что они понимали что утешение часто звучит как ложь, а присутствие как факт который не требует подтверждения. Вино кончилось, пиво и джин-тоник стали тёплыми, но его всё равно пили потому что дело было не во вкусе, а в

процессе, в том, как будто ночь сама по себе стала пространством где можно было быть собой, без масок, без страхов, без оглядки на то что будет завтра. Вика чувствовала как веки тяжелеют, как тело расслабляется, как напряжение которое она носила в себе месяцами начинает отступать, уступая место усталости, честной, простой, не требующей оправданий. Она прилегла на койку не раздеваясь, закрыла глаза и голоса вокруг стали тише, как будто удалялись, но не исчезали, продолжая звучать где-то на границе сна и реальности переплетаясь с запахом сырости, с шёпотом радио, с лёгким скрипом пружин и дыханием тех, кто остался рядом.

Она заснула за пару часов до подъёма, когда за окном начало сереть, когда в коридоре зазвучали первые шаги, когда где-то внизу включили воду и шум потёк по трубам, наполняя здание жизнью. Девушки не спали, они сидели на полу прислонившись к стенам и говорили тихо, почти шёпотом о том что не говорят днём, о страхах, о надеждах, о том как трудно быть сильной когда мир требует этого постоянно, о том что сила это не отсутствие слабости, а умение не ломаться когда слабость приходит, о том что они выживут не потому что обязаны, а потому что хотят, потому что внутри есть что-то что не гаснет, даже когда снаружи всё затягивает серой пеленой. Они говорили до самого звонка, до тех пор пока день не наступил окончательно, вытесняя ночь, оставляя после себя только тишину, которая уже не была пустой, а была наполнена тем, что осталось несказанным, но было понято.

Глава 3. Рассвет

Проснулась она от того, что свет пробивавшийся сквозь неплотно задёрнутую штору лёг на подушку тёплым, пыльным пятном, и от гула который не прекращался даже в выходные: где-то на этаже гремели вёдрами, по коридору шлёпали тапочками а за стеной кто-то включил радио и сквозь тонкие перегородки доносился хриплый голос диктора вещающего о погоде, но Вика не сразу открыла глаза а сначала прислушалась к собственному дыханию, ровному и спокойному, без той привычной тяжести в груди которая обычно встречала её по утрам напоминая о долгах, о контроле, о вечном ожидании чего-то что так и не наступало. Вспомнила что вчера ещё до того как они зашли в подъезд она позвонила матери с таксофона на углу, сказала ровным голосом что остаётся у подруги, что всё в порядке, что не нужно волноваться и мать услышав эту уверенность, которую Вика впервые за долгие годы позволила себе не маскировать, просто ответила «хорошо, дочка» и в этом коротком слове не было ни подозрения, ни привычного напряжения, только тихое почти удивлённое принятие, как будто она тоже наконец поняла что дочь выросла, что стены дома больше не могут вместить всё то что та носит внутри и что иногда нужно просто отпустить, чтобы не сломать.

Она потянулась, чувствуя как затекли мышцы от непривычной позы, как ноет затылок от вчерашней смеси вина,

пива и джин тоника, но боль была не резкой а тупой, слегка ноющей, как напоминание о том что жизнь может быть не только долгой и тяжёлой, но и простой, когда можно просто лечь, закрыть глаза и не думать о том, что будет через час, о том кто что скажет, о том, как оправдываться за каждую минуту проведённую вне чужого контроля. В комнате уже давно все проснулись: Аня возилась у зеркала зачёсывая растрёпанные волосы в хвост, Лена курила у окна выпуская дым в щель между рамой и стеклом, Катя сидела на подоконнике листая конспект, но не читала, а просто смотрела на улицу где мокрый асфальт блестел под низким солнцем, а Маша раскладывала на столе завтрак. Никто не спросил как спалось, не стал извиняться за шум или за то, что вчера было слишком много слов и слишком мало сна, просто кивнули когда она села на край койки, Аня не поворачиваясь, сказала: «Суббота, пары отменили, дежурная нас не тронет до обеда, так что если хочешь, оставайся, у нас сегодня план простой - выжить, подышать, не сдохнуть от скуки». Вика кивнула в ответ и в этом кивке не было вежливости или обязанности, только тихое, почти детское желание не уходить, не возвращаться туда где стены сжимаются, где каждый шаг требует отчёта, где любовь — это долг, а не дар и она поняла что впервые за много месяцев может позволить себе просто быть, не спрашивая разрешения.

Они вышли на улицу после обеда, когда небо наконец прояснилось и серая пелена, висевшая над городом всю неделю

разорвалась, обнажив бледно-голубое пространство по которому плыли редкие, рваные облака, похожие на клочья ваты забытые кем-то на крыше. Шли не спеша через дворы, мимо гаражей где мужики чинили старые «Жигули», мимо ларьков с вывесками пожелтевшими от дождя и времени, мимо остановок где стояли люди с пакетами и молча ждали свой транспорт. Вика шла рядом с Аней и впервые за долгие месяцы не втягивала голову в плечи, не смотрела под ноги, не боялась, что кто-то заметит её ветровку, её потёртые туфли, её молчание, потому что молчание больше не было защитой а стало просто состоянием в котором можно было дышать, смотреть, слушать не ожидая подвоха, не готовя оправдания заранее. Они купили себе по дороге две бутылки джин-тоника в пластике и три «Жигулёвского», сели у речного вокзала на бетонных ступенях, ведущих к воде, где причаливали старые теплоходы покрытые ржавчиной и солёными разводами, где пахло мазутом, тиной и чем-то далёким, как будто река уносила не только воду но и время, замедляя его, делая его терпимым, и они пили не торопясь позволяя прохладе стекла касаться ладоней, позволяя ветру трепать волосы, позволяя себе не думать о парах, о письмах которые могли прийти а могли и не прийти вовсе, о том что где-то далеко в казарме, Вадим чистит автомат и думает о ней, ждёт, как она ждёт его, но не как рабыня привычки, а как человек который выбрал ждать сознательно.

Разговор начался не сразу, а постепенно, как вода проса-

чивающаяся сквозь песок, сначала короткими фразами, потом длиннее, потом без пауз, без оглядки на то кто говорит громче, кто тише, кто смеётся, кто молчит и Вика слушая как Лена рассказывает про брата который сидит, про мать которая пьёт, про то как она сама перестала плакать в двенадцать, потому что слёзы для неё это роскошь, которую не могут позволить себе те, кто знает что завтра нужно встать, пойти на работу, купить продукты и не задать лишних вопросов, почувствовала как внутри что-то оттаивает, как будто лёд который она носила в себе годами, начал таять не от тепла а от простого факта присутствия других людей которые не требуют от неё силы, а просто делятся своей слабостью, не стесняясь, не пряча её за улыбками или шутками. Аня рассказывала про отца, который ушёл из семьи когда ей было семь лет, про мать которая работала безвылазно на заводе пока не слегла с сердцем, про то как она сама научилась готовить из того что было - практически из ничего, как подрабатывала уборщицей в поликлинике, как мечтала уехать, но поняла что уезжать некуда, потому что город — это не место, а состояние и ты либо несёшь его с собой, либо он несёт тебя и Вика молча слушала не перебивая, потому что поняла, что в этих историях нет жалости, есть только опыт, прожитый, не стёртый, не украшенный, и что этот опыт единственное что остаётся когда всё остальное уходит. Катя, поправляя очки рассказывала про свою деревню, про дом где пьяный отец постоянно бил её мать, про то как она училась

при свете керосинки, как мечтала выбраться оттуда и встать самостоятельно на ноги, зарабатывать денег и ни от кого не зависеть дабы не повторить судьбу матери. Маша смеялась, но смех её был не лёгким, а тяжёлым, как будто он вырывался из груди с усилием, она говорила про парней которые ухаживали за ней а потом предавали, использовали в своих грязных намерениях, про то как она научилась не верить обещаниям а верить в себя даже если все против и не вешать нос когда падаешь. Вика, внимательно выслушав всё, впервые заговорила не о Вадиме, не о школе, не о контроле матери а о себе, о том как она боится что время пройдёт а она так и не начнёт жить, а будет только ждать чего то лучшего, как лодка пришвартованная к берегу, которая не идёт в море потому что боится волны, но при этом понимает, что без движения нет жизни и в её словах не было пафоса, не было драмы, только тихое, почти шёпотом произнесённое признание которое повисло в воздухе, как дым от дешёвых сигарет которые они курили, медленно рассеиваясь, как их сомнения и страхи накопленные годами....

В воскресенье, когда солнце уже клонилось к закату окрашивая небо в оттенки ржавчины и пепла, они шли обратно через весь город, по улицам, где асфальт трескался от корней старых тополей, где фасады домов облупились, обнажая кирпич, где витрины магазинов были заклеены объявлениями о продаже, аренде, закрытии отделения, где жизнь казалось замерла, но не останавливалась. И когда они уже подхо-

дили к перекрёстку где обычно сворачивали в сторону парка, рядом, замедляя ход, остановилась тонированная «девятка» с заниженной подвеской и литыми дисками, которые казалось бы блестели даже в сумерках. Тут переднее пассажирское стекло опустилось вниз и один мужчин находящихся в салоне авто предложил подвезти их, сказал он на ломаном русском языке с явным кавказским акцентом, он говорил что поздно таким красивым девушкам ходить одним по городу, предлагал сесть в машину к нему и его друзьям, составить им компанию на вечер. Девушки не много растерялись от неожиданности, но вежливо отказались после чего предложения незнакомца стали настойчивей и в их диалог подключились его приятели.

— Эээ красавицы, не бойтесь, мы не кусаемся. А хотите мы вас пивом угостим, я тебе такое покажу, обалдеешь... Одни, да еще из без парней, хочешь я сегодня буду твоим парнем? — сказал один из них Вике.

Она почувствовала, как внутри сжалось её сердце, как что-то холодное растеклось внутри её, это был страх, не только за себя но и за своих новоиспечённых подруг. Оглядываясь по сторонам она сказала громко, чётко, без дрожи:

«Спасибо, но мы ждём парней, они уже идут, вон там, за углом, не задерживайте нас».

В её голосе не было страха, не было угрозы, только факт

который она создала сама. Но мужчины находящиеся в машине переглянувшись с ухмылкой и вышли из неё.

— Зачем обманывать, тебя красивую мама с папой не учили что нельзя врать людям. Не хорошо поступаешь, может ты стесняешься? Иди сюда, я помогу, больше ты ничего не будешь стесняться - мамой клянусь. — Уже с ехидным выражением лица бросил он Вике.

— А вот и наши парни идут, — сказала она показывая на парней идущих вдалеке на встречу.

— Эти малолетки что ли? — ответил он, повернувшись вместе со своими товарищами в сторону незнакомых парней.

— Бежим - шепнула Вика подругам и рванула в сторону парка.

Отбежав на некоторое расстояние, Аня обернулась и увидела как четверо не русских мужиков бегут следом за ними в парк, бросив свою машину.

— Валим быстрее — крикнула от страха Аня.

И они побежали что есть сил, без оглядки, только вперёд и только лишь бы не догнали, ведь они прекрасно понимали что от них хотят эти люди.

Уже в начале парка, они ринулись в чащу деревьев пробираясь через заросли, пытаясь укрыться в потёмках. Затаив дыхание, они спрятались за старой трансформаторной буд-

кой недалеко от забора, за которым начинался частный сектор.

— Где эти шлюхи - ворчал один из преследователей, пробежав в паре метров от них.

Он остановился и дождался своих приятелей которые рыскали по сторонам.

— Найду и прям здесь в рот выебу, жопу порву.

— Не горячись, сначала найти надо. Я тебе сколько раз говорил, сначала спокойно и не навязчиво знакомимся, напойм а потом уже ебать будем и никто их спрашивать не будет, а если и вспомнят то скажем сами в тачку прыгнули и ноги раздаинули . — рыкнул на него самый здоровый и бородатый из их компании. — разделимся и будем искать, тут только один вход и выход.

Девчонок в это время колотило от страха, они не знали что делать дальше. Не много обождав пока эта четвёрка удалиться с горизонта, Вика прошмыгнула к глухому бетонному забору и присела на корточки спиной к нему.

— Бегом сюда, надо перелазить, я подсоблю а вы меня вытяните потом на верх. - полушёпотом сказало она девчонкам.

Так они и сделали, перебравшись через забор пустились бегом через частный сектор, куда глаза глядят, лишь бы по дальше оттуда. Попетляв они вышли на знакомую им центральную улицу, где вдали виднелся вход в парк и стоящую рядом «девятку» преследовалей. Подруги забежали за стоящую не подалеку остановку и стали наблюдать за происходящим, ведь дорога в общежитие лежала как раз в том направлении где сейчас стояла их машина. Не много отдышавшись, Вика закурила и прижалась спиной к холодной, металлической стенке автобусной остановке.

— Ну что там, они не уехали ещё? - уже спокойным и ровным голосом спросила она.

— Нет, их не видно, придётся подождать от греха по дальше, нафиг такие приключения. - ответила ей Катя поправляя очки.

Спустя какое-то время, те четверо вернулись к машине, сели в неё и медленно тронулись с места, растворившись в потоке вечернего трафика, а они стояли ещё минуту не двигаясь, чувствуя, как бьётся сердце в груди, но уже не от страха, а от осознания того, что могло с ними произойти если бы они согласились прокатиться с ними, если бы их поймали в парке...

Когда они наконец пошли дальше, шаги звучали громче чем раньше, как будто асфальт стал твёрже, как будто воздух

стал чище и Вика идя рядом с Аней, слушала как Лена тихо ругается, как Катя смеётся, как Маша говорит, что нужно купить ещё пива, потому что надо снять нервняк. Она на минуту поняла, что внутри неё что-то изменилось, не резко, не навсегда, но достаточно, чтобы больше не чувствовать себя пассажиром в собственной жизни, чтобы понять то что даже если мир давит, даже если он требует подчинения, даже если он говорит, что ты никто, ты можешь сказать «нет», не крича, не ломая, просто поставив точку и эта точка будет звучать громче любого приказа. Она посмотрела на небо, где первые звёзды пробивались сквозь серую дымку и вспомнила болото куда они с Вадимом уходили чтобы спрятаться от мира и поняла, что те самые "тёмные воды" это не место, это состояние из которого можно выйти не убегая от самого себя, надо просто начать идти, не оглядываясь, не боясь, зная что даже после самой долгой ночи наступает день, что после долгой тьмы всегда выходит солнце.

Они вернулись в общагу, когда уже совсем стемнело, когда в коридорах горели тусклые лампы, пахло супом и табаком, чем-то живым, как будто здание дышало, впуская их и не спрашивая откуда они пришли. Вика, ложась на койку, не закрывая глаза сразу, слушала как за окном гремит трамвай, как где-то смеются, как кто-то хлопает дверью и думала не о том, что будет завтра, а о том что случилось сегодня и этого было достаточно, чтобы понять: надо что то менять в своей жизни, нельзя оставаться серой, беззащитной мышью.

Глава 4. Просвет

Псковская земля принимала его не дождём, а сухим, пронизывающим ветром который нёсся над полигоном, поднимая пыль с утрамбованного грунта и заставляя шинель трепаться, как обрывок полиэтилена висящий на колючей проволоке. Первые месяцы прошли в тумане команд, скрипе кроватей и запахе пота, вставшего солоноватой коркой на спине, когда после марш-броска в тридцатиградусный мороз тебя заставляли стоять в строю, когда горячее дыхание превращалось в пар, а пальцы каменели внутри перчаток, но Вадим не ломался, он вбирал этот ритм в себя, как губка впитывает воду, понимая, что армия это школа жизни, которая превращает мальчишку в настоящего мужчину, готового нести ответственность не только за себя, но и за своих товарищей. Он научился просыпаться до команды, потому что сон в казарме был не отдыхом а передышкой между нагрузками, научился застёгивать пуговицы на форме за три секунды, молчать, когда хотелось кричать и говорить только тогда, когда слова были нужны, а не чтобы заполнить пустоту, и в этом молчании рождалось то чего не было в дворовых драках. Это была не ярость, а контроль, не желание доказать что ты сильнее, а понимание того, что сила — это умение выдержать любой удар не сломавшись, не озлобившись, не став тем, кого ты презираешь.

Дни сливались в недели, недели в сезоны, а сезоны в ар-

мии не существовали, существовали только наряды, построения, КПП, плац, где шаг отбивался до мозолей на пятках, где сержант кричал не для того чтобы унижить, а для того, чтобы в голове остался только один звук, один ритм, одна мысль, которая не позволяла телу сдаться раньше времени и Вадим шёл, не отставая, не выпячиваясь, просто в строю, потому что понял: это необходимо, это не дрочево, а желание командиров научить чётко и беспрекословно выполнять поставленные им задачи. Довести до автоматизма не только строевую часть подготовки, но так же отточить своё мастерство на стрельбах и десантировании. Помочь понять салагам, что сила в единстве, сила в крепости духа каждого солдата.

Письма он писал ночью в каптёрке, когда казарма засыпала, а за окном выла собака гоняя тень по бетонной стене, он доставал из стола тонкую тетрадь в клетку и начинал писать не спеша, выводя буквы ровным красивым подчерком, без лишних соплей и распинаний, он прекрасно понимал что Вике тоже тяжело быть на расстоянии с ним, тем более зная её не людимый характер и жизненные трудности из за которых она была морально подавлена. Она была для него той самой точкой опоры, которую он искал всю жизнь. Ведь для него счастье было не в деньгах, не в шмотках, не в понтах, а в молчаливом согласии с собой, в понимании, что бедность это не клеймо, а стартовая линия, и если не бежать от неё, а использовать как трамплин, то можно прыгнуть дальше,

чем те, кто родился с серебряной ложкой во рту, но не умеет держать вес. Главное что бы рядом был любимый человек, та ради которой хочется просыпаться и идти вперёд, сквозь гром и бурю, сквозь огонь и воду...

Он перечитывал её письма до тех пор, пока бумага не становилась тонкой, как папиросная, пока чернила не начинали расплываться и хранил теплые слова написанные ему, у сердца, потому что знал: если письма закончатся, если связь оборвётся - она не перестанет писать ему, это обстоятельства. Уверенность в своей девушке была непоколебима для него, она никогда не давала повода в чем либо сомневаться насчёт её и это облегчало его армейский быт, так как ему незачем было срываться в самоход или не дай бог накладывать на себя сильные руки, как это иногда делают маменькины сынки получив дурные новости от своих девушек или же друзей которые решили уведомить своего кореша о неподобающем образе жизни его возлюбленной.

Внутренний мир менялся не скачками, а слоями, как лёд на озере, который трескается медленно, под тяжестью солнца и ветра, и Вадим чувствовал, как уходит мальчик, который хмурился, чтобы казаться старше, который бил кулаком в лицо, потому что не умел бить словами и на его место приходил человек, который понимал: мир не меняется от одного удара, он меняется от совокупности последовательных действий - от того что ты делаешь каждый день когда никто не смотрит, от того, что ты не бросаешь когда тяжело, от того что ты пи-

шешь «жду», когда хочется кричать «почему так долго» и он перестал бояться будущего, потому что понял что будущее не ждёт, оно строится и если ты будешь ждать чудо и ничего не делать, то она не свершится в мгновение ока. Всегда надо начинать с себя — значит выбирать кем быть, а не позволять обстоятельствам решать за тебя и в этом выборе была та самая свобода, которую не купишь ни на рынке, ни в магазине, ни за деньги. Ту которую можно только заработать, потом, кровью, терпением, и он зарабатывал не крича об этом, не выставляя напоказ, просто став тем кто способен держать слово, даже когда слово весит тонну.

Демобилизация пришла на осень, за это время многое что поменялось как в мире, так и в нём самом. Он осознал главное - научись быть собой, принимай любые трудности и не бойся перемен, ведь жизнь любит тех кто не боится новых её поворотов. Научиться выбирать с холодным расчётом, ведь когда выбор сделан - ты останешься один на один с последствиями этого решения.

Последние дни в казарме он провёл на легке, почти всё время зависая в каптёрке с новыми армейскими друзьями. И вот настал тот день, когда в парадной форме с аксельбантами он был стоял за воротами КПП с билетом на поезд в руках и думал только об одном - наконец то я увижу её, свою девочку. Еще накануне дембеля она писала ему что очень ждёт и скучает, что обязательно встретит его на вокзале. Тут за ворота вышел старшина и подошёл к нему.

— Ну что, дембель, домой или на контракт останешься?
— спросил старшина, прикуривая сигарету.

— Домой, я девушке своей обещал вернуться по концу службы, — ответил он, застёгивая куртку, чувствуя, как ткань лежит на плечах не как одежда, а как обещание. — А моё слово камень, вы же знаете.

— И то верно, — кивнул старшина, протягивая руку для рукопожатия. — А теперь иди и помни: армия дала тебе форму, а жизнь даст содержание, главное будь собой и не проси своё счастье.

— Обещаю, — сказал Вадим, крепко пожимая руку.

Добравшись до ж/д вокзала, он прикупил бутылку водки и продуктов в дорогу, путь его был не близким и уже хотелось отдохнуть от армейской жизни. Поезд тронулся и вагон качнулся, он сел у окна предварительно постелив газеты на столе вместо скатерти, достал из рюкзака алкоголь, закуску и сигареты. Вместе с ним в купе ехали еще несколько дембелей с его части, тем было лучше для него, хоть как то быстрее короталось время в пути. Каждый из них доставал на стол алкоголь, тушёнку, колбасу, хлеб и многое другое - дорога обещала быть весёлой. Они играли в карты и смеялись иногда выходяв покурить в тамбуре, каждый ехал домой переполненный своими собственными надеждами на новое завтра. А завтра как известно наступает скоро, как и дорога домой в

хорошей компании пролетела незаметно. Еще на подъезде к своему родному городу, Вадим слегка занервничал, он заперевивал вдруг они разминуться на вокзале, вдруг не узнает её в толпе? Хотя он еще до отбытия позвонил Вике с вокзала и объяснил во сколько должно быть прибытие и в каком вагоне он поедет. Вот уже и перрон показался в окне его купе, но Вадим не спешил на выход, он ждал пока шумная и бес-толковая суeta среди выходящих из поезда людей уляжется и он выйдет спокойно, без толкотни. Вот и спустившись с вагона, он сразу увидел её, в черной куртке из искусственной кожи, светло синих джинсах и кроссовка. Она побежала ему навстречу, а в её глазах все так же стояли слёзы, как это было два года назад, всё на том же вокзале.

Глава 5. Куда ведут мечты

После долгожданной встречи на вокзале, они на такси отравились домой к Вадиму, там их уже ждала его мама, она с самого утра была сама не своя, торопливо и бережно наводила порядок в доме, готовила угощения и просто ждала сына, с волнением в сердце. Два года пролетели как один день, казалось бы только вчера её мальчик окончил школу а сегодня уже возвращается домой со службы, но уже не парнем, а мужчиной.

Дорога домой заняла не более получаса, весь путь домой они ехали молча, Вика положила голову на плечо Вадиму, его рука лежала на ее руке. Он смотрел через окно машины

на мелькающие дома, магазины и прохожих. На душе у него было тихо и спокойно, как будто-то ничего не изменилось, хотя с учётом новыхстроек, рекламных щитов и обновлённых фасадов зданий город не много преобразился. Ему было не до этого, дома его ждала родная мать, рядом сидела любимая девушка, казалось бы всё хорошо, но что то внутри него не давало покоя, не навязчиво, едва заметно, но всё же терзало изнутри. Подъехав к дому, Вадим рассчитался за такси и они вышли.

— Не спеши,— сказал он Вике — Надо в магазин зайти с начала, хоть торт взять что ли, не с пустыми руками же идти.

— Да ты сам лучше любого торта, — посмеялась она в ответ — пойдём уже, а то мама твоя заждалась уже. Хотя, возьми лучше цветы, это будет приятнее, да и она уже с самого утра на ногах суетится, там по любому полон стол угощений уже.

Вадим с улыбкой на лице согласился с её доводами и они пошли до цветочного магазина который располагался в соседнем доме, на первом этаже, вместо одной из квартир. Выбрав большой букет хризантем, рассчитавшись, они не спеша вышли из магазина. Закурив на крыльце Вадим призадумался...

— Надо начинать искать работу.

— Ты же только приехал? Еще даже до дома не добрался а уже о работе заговорил, или это моя компания тебе так надоела что хочешь от меня на работе спрятаться? - съехидничала Вика.

— Да не, ты брось. Ты цены видела в магазинах, че то они не плохо подросли за два года, да и денег у меня совсем не много остаётся. А как ты знаешь я не люблю сидеть на шеи матери.

— Ммда.. И то верно, цены растут постоянно. Я не спору, надо, но давай хотя бы пару дней отдохнёшь, побудем только вдвоём.

— Я только за, я же не говорю что прям завтра возьму и пойду в три смены на завод пахать, между прочим я тоже по тебе очень сильно скучал и ждал нашей встречи.

Обняв ее за талию они пошли к его подъезду, поднявшись в лифте на этаж, Вадим не стал открывать дверь своим ключом а позвонил в звонок, прикрыв рукой глазок в двери тамбура. Мама открыла дверь не глядя и обомлела..

— Сынок!!! — радостно вскрикнула женщина, крепко накрепко обняв Вадима — Ну наконец-то, вымахал то как, совсем большой стал, а какой нарядный... Тебе идёт форма сынок, ну заходите, что ж я вас на пороге то держу.

Он протянул букет матери и пропустил Вику вперед себя

в квартиру.

Матери Вадима на вид было около сорока пяти лет, ухоженная женщина с крашенными темно-русыми волосами до плеч, она была среднего роста и имела довольно приятную фигуру, не худая, но и без лишнего веса. Вадим очень сильно любил свою маму, она в одиночку растила его, пахала на заводе в две , а то и в три смены что бы одеть и накормить, в то смутное время пока сын был маленьким, на заводе платили мало и с задержками, как и по всей стране в то время. Вадим рос и видел это, по этому ещё со школы он всеми силами старался помочь матери - помогал ей по дому, подрабатывал на стройке, собирал и сдавал цветной металл. Вот и сейчас, глядя в родные глаза он понимал что всё ещё впереди, что теперь он дома и всё будет по другому, всё будет хорошо.

Зайдя в квартиру, он отметил что ничего не изменилось, как будто он никуда и не уезжал. Всё так же вкусно пахнет стряпнёй, всё та же мебель и обои, изменились лишь глаза матери которые смотрели на него не как на мальчишку с большими амбициями, а как на взрослого состоявшегося мужчину.

— Так, мойте руки и за стол, — радостно скомандовала женщина — я тут с самого утра в ожидании, а время уже обед прошёл.

Пока они мыли руки, мать поставила цветы в вазу на серванте и пошла на кухню.

— Можно вам помочь? - спросила Вика

— Можешь взять вон те тарелки и отнести их в зал на стол, а я скоро к вам подойду.

— Хорошо.

И вот они уже сидели за столом, Вадим открыл бутылку водки заранее купленной к его приезду и налил всем троим по рюмке.

— Ты же знаешь что я никогда не пила крепкие напитки — засмущалась Вика.

— Ничего, сегодня по не многу можно, - ухмыльнулся он в ответ - тем более мы дома а не где-то.

— Ты не переживай, я взяла на себя смелость и предупредила твою маму что сегодня ты ночуешь у нас дома, тем более завтра уже выходные начинаются — быстро парировала мама Вадима.

— Мне как то не удобно — засмущалась Вика.

— Я давно тебя и маму твою знаю, прекрасно помню как вы с Вадимом относились и относитесь друг к другу, как вы дружите. Я очень хорошо к тебе отношусь и вижу как мой сын светится рядом с тобой.

— Спасибо большое, если честно то я рада. Я правда очень сильно соскучилась по Вадиму.

— Значит решили всё за меня, вот так вот... Ну так что,

давайте выпьем за мой дембель и за вас мои хорошие, за вашу решимость - любя подколот он их.

Пригубив горячительного их разговор значительно ожил, ушла скованность и они просидели так до самого позднего вечера, не заметив как быстро летит время.

— Пойду я прилягу отдохнуть, устала за день, — сказала мама Вадима — Да и вам наверное хочется побыть наедине. А со стола уберём завтра, может вы ещё потом захотите посидеть.

Она встала из за стола и направилась в свою комнату, а Вадим обнял Вику за плечо и налил ещё по одной рюмке. Он с нескрываемым чувством смотрел в её глаза, они как всегда были прекрасны, полны добра и надежды. Она поймала себя на мысли, что ей еще никогда не было так хорошо и спокойно за последние два года, наконец-то они вместе и теперь всё в их жизни зависит от них самих.

Посидев еще около часа, поговорим о том что произошло за время его службы в армии, они отправились в его комнату. Она была не большая, но уютная, с хорошо утепленной лоджией, окна которой выходи во двор на солнечную сторону. В самой комнате ничего не изменилось за эти два года, всё тот диван - книжка покрытый бордовым пледом, письменный стол стоящий у окна лоджии рядом с плательным

шкафом и комодом, даже книги на полках стояли всё в том же порядке а ковер на полу и стене дополняли интерьер и делали его более уютным. Воздух в комнате пах фруктами, заботливо оставленной матерью на письменном столе в вазе.

Они разложили и застелили диван готовясь ко сну, делали они это так будто уже давно живут вместе - пока он застилал простынь, она доставала подушки и одеяло, бережно поправляя постельное бельё. Выключив свет они устроились на диване, Вика легла к стенке на которой висел ковер темно бордового, черно

- песочным рисунком в виде произвольных и хаотичных линий, а Вадим лёг с краю, он всегда так спал, любил когда рука свисает вниз а вторую он по детской привычке прятал под подушкой. Но в эту ночь им было не до сна...

Как только они оказались рядом в постели, он повернулся к ней, облокотившись головой на одну руку а пальцами другой провёл по её лицу. Они молча смотрели в глаза друг другу, не нужно было ни каких слов, что бы передать те чувства что кипели внутри, то желание что рвалось наружу с каждым вздохом. Он наклонился к ней, проведя кончиком своего носа по её носику и медленно коснулся её губами слившись в страстный и горячий поцелуй. Руки не находились себе места хаотично двигаясь по телу, их дыхание было не ровным, а движением плавными. Он усыпал поцелуями её шею, грудь и плоский животик, плавно переходя всё ниже и ниже, одной рукой она держала его за волосы а вторая сжимала про-

стынь, стоны вырывались из её покрасневшей груди, а пальцы дрожали, она пыталась сдерживать их, так как в квартире они были не одни. Поднявшись выше он жадно схватил её за бёдра. подтянув к себе, медленно и горячо вошёл в неё. Они слились в единое целое, как сложный механизм, их движения дополняли друг друга, без лишних слов, намеков и прошений они понимали желания друг друга...

Вот так и прошла ночь оставив следы их страсти и желания на постели, она тихо спла на его груди как младенец, закинув на него свою ногу, он же не мог уснуть, чувства что с новой силой вспыхнули между ними, не давали ему покоя. Он медленно гладил её по голове, нежно и одновременно крепко прижимая её к себе, мысли, как осенние листья на ветру кружили в его голове, он уже не видел себя без неё и это порождало в нём решимость действовать.

Она проснулась утром, где-то в десятом часу, и не обнаружила Вадима рядом с собой в постели. Одевшись, Вика вышла в коридор и пошла в ванную комнату, проходя мимо кухни она увидела его, он молча стоял у плиты и жарил картошку.

— С добрым утром, хозяйюшка ты моя. — улыбнулась Вика глядя на своего возлюбленного. — А мама твоя где?

— С добрым утром родная, да я вот просто решил приготовить нам завтрак. Ты так сладко спала, что я не решился тебя будить, а мама ещё с пол часа назад пошла к соседке, у

них там свои дела какие-то до вечера.

— Это хорошо, значит сегодня мы сможем еще не много побыть наедине. Ну а пока я в душ схожу, ты дашь мне какое-нибудь полотенце?

— Да, возьми у меня в шкафу любое, а как из душа выйдешь то давай за стол, я как раз чайник поставлю.

И вот сидя за столом на кухне, они вновь не умолкали, каждый рассказывал о том как ему жилось без друг друга, говорили обо всём и вся, строили планы на дальнейшую жизнь.

Вадим чётко решил для себя, что с понедельника начнёт активно искать работу, так как ему не хотелось всё время поджидать момент для того что бы побыть с Викой наедине, да и своё отдельное жильё, пусть и съёмное станет для них новым этапом в их жизни, ещё одной новой ступенью для реализации их планов. Плотнo позавтракав, они налили еще по чашке кофе и вышли покурить на лоджию.

— Я тут подумал и решил что если искать работу, то такую что бы был карьерный рост и уверенность в завтрашнем дне - ни как на заводе, где то прстои , то зарплату задерживают. Может быть мне стоит попробовать в ментовку устроиться?

— То то я смотрю ты задумчивый такой ходишь второй день подряд, так значит ты об это давно думаешь? В плане работы в полиции... Ну а почему бы и нет, ты отслужил, физически крепкий и высокий, приводов на сколько я помню

у тебя не было. Так что дерзай, говорят им даже квартиры дают по выслуге лет.

— Вот по этому, я и задумался об этом еще в армии, когда со старшиной в каптёрке сидели и говорили о гражданке. Купить своё жильё мы наврядли сможем в ближайшее время, а тут хоть какая-то перспектива.

Вика лишь одобрительно кивнула и положила свою голову ему на плечо. Ещё не много они молча постояли на лоджии и легли в постель, они не хотели терять ни минуты драгоценного времени, для того что бы насладиться друг другом. А время в страстных и жарких объятиях летело неумолимо быстро...

Глава 6. По крупицам

Октябрь в этом году выдался на удивление светлым и прозрачным, когда каждое утро солнце щедро рассыпало золотистые блики по утренним лужам, а прохладный воздух, напоённый ароматами прелой листвы и тёплого хлеба из соседней пекарни, словно подбадривал прохожих, приглашая их не спешить и наслаждаться каждым мгновением, и именно в таком настроении Вадим шёл по просторному коридору районного управления, крепко прижимая к груди папку с аккуратно подшитыми документами, которые уже успели слегка согреться от его ладоней, пока он терпеливо ожидал своей очереди, сидя на добротной деревянной скамье рядом

с молодыми ребятами, которые с воодушевлением обсуждали будущую службу, делились планами на выходные и с искренним уважением кивали друг другу, понимая, что впереди их ждёт не просто работа, а настоящее дело, требующее выдержки, честности и готовности всегда протянуть руку помощи тем, кто оказался в трудной ситуации.

Оформление шло не спеша, но с неизменным вниманием к каждому этапу, и когда хирург на медкомиссии с профессиональной аккуратностью осмотрел старые шрамы на рёбрах, он не просто поставил галочку в карте, а тепло улыбнулся, заметив, что такие отметины лишь подтверждают характер человека, способного выдерживать испытания и выходить из них с прямой спиной, а молодая женщина-психолог, задавая свои вопросы, внимательно слушала его ответы, кивала с понимающей одобрительной интонацией и в конце беседы искренне сказала, что такие парни, умеющие сохранять внутреннее равновесие и не терять веры в лучшее даже после долгого отсутствия дома, становятся надёжной опорой не только для своих семей, но и для всего общества в целом, после чего двухнедельная проверка пролетела словно один светлый день, пока Вадим совмещал службу с временными подработками, а вечерами возвращался в ту самую уютную двухкомнатную квартиру, где его уже ждали знакомые стены, пахнущие ванилью и свежесваренным кофе, и где Вика с его матерью вместе накрывали на стол, создавая атмосферу настоящего домашнего очага, куда всегда хочется спешить

после долгого дня.

Никаких ключей от отдельного жилья не потребовалось, да и сама мысль о разъезде пока не возникала, ведь мать Вадима, женщина с открытым сердцем и мудрым взглядом, с первых же дней приняла Вику как родную дочь, с радостью выделила им пространство в его детской комнате, где они вместе расстелили мягкий плед, развесили по стенам фотографии из школьных лет и первых совместных прогулок, а дверь оставили приоткрытой, чтобы в их уголок проникал тёплый свет из прихожей и звучали её добродушные наставления, когда она звала их на ужин или делилась семейными рецептами, и в такой обстановке, наполненной взаимным уважением и тихой радостью, они учились строить свой быт не как крепость, отгороженную от мира, а как открытую гавань, где каждый вечер звучал смех, а утро начиналось с запаха свежих блинов и бодрящего чая, который мать всегда заваривала с добавлением душицы и мёда.

Вика же с каждым днём расцветала на глазах, превращаясь из робкой студентки в уверенного в себе будущего медика, который с лёгкостью находил общий язык с пациентами, запоминал их истории болезни до мельчайших деталей и даже в самые загруженные смены сохраняла на лице ту самую светлую улыбку, которая заставляла даже самых угрюмых посетителей поликлиники расслабляться и верить в лучшее, а когда однажды к ней привели мальчика с высокой температурой, она не растерялась, а спокойно и профессионально

организовала уход, успокоила плачущую мать, нашла нужные препараты и уже через несколько дней получила от той женщины искреннюю благодарность вместе с коробкой домашних конфет, которую Вика с гордостью поставила на кухонный стол, рассказывая Вадиму, как здорово чувствовать, что твои руки не просто выполняют работу, а действительно несут в мир частичку тепла и заботы.

Он слушал её, расставляя на столе тарелки и наливая чай в любимые керамические чашки с синими узорами, которые мать подарила им на новоселье, и в его глазах отражалась та самая тихая гордость, которая появляется только у человека, понимающего, что рядом с ним растёт не просто возлюбленная, а настоящая спутница жизни, готовая делить с ним и радость побед, и легкую усталость после плодотворного дня, после чего они садились на диван, закидывали ноги на пуфик, включали старую магнитофонную запись с джазовыми мелодиями и говорили обо всём на свете, от планов на выходные до мечты когда-нибудь завести маленький балконный сад с геранью и мятой, при этом их диалоги всегда звучали легко и непринуждённо, словно река, которая не спеша огибает камни, но никогда не останавливается в своём течении.

— Знаешь, — начал он однажды, листая свежий выпуск местной газеты, где на первой странице красовался репортаж о новых патрульных экипажах, — я сегодня снова ходил в

отдел кадров, и старшина сказал, что если всё пойдёт по плану, то к зиме меня уже включают в график выездов, а значит, появится стабильный оклад, премия за выслугу и, что самое приятное, возможность спокойно планировать отпуск, чтобы мы могли наконец выбраться на море, хотя бы на недельку, и просто полежать на тёплом песке, слушая, как волны шепчут нам старые добрые истории.

— Ой, только не говори мне про песок и волны, а то я сейчас брошу всё, куплю билеты и утащу тебя туда силой, — засмеялась Вика, откладывая учебник и обнимая его за плечи, — но если серьёзно, то мне уже давно не важно, где именно мы будем жить и сколько метров будет в нашей квартире, главное, чтобы ты возвращался домой с улыбкой, чтобы мы могли вместе готовить ужин, смотреть вечером фильмы и смеяться над теми глупыми шутками, которые ты постоянно рассказываешь, а ещё, чтобы ты никогда не забывал, как сильно я тобой горжусь, даже когда ты просто чинишь кран на кухне или помогаешь маме выносить тяжёлые коробки.

Он улыбнулся, поцеловал её в висок и ответил, и в его голосе звучала та самая уверенность, которая рождается не из громких обещаний, а из ежедневных маленьких шагов, делающих мечту реальностью:

— Я запомнил каждое твоё слово, и поверь, теперь я буду не просто возвращаться, а приходить к тебе с новыми исто-

риями, с планами на выходные и с твёрдым знанием, что всё, что мы делаем вместе, уже превращается в ту самую крепкую основу, на которой мы построим всё остальное, от новой кухни до большого балкона с цветами.

Их жизнь действительно складывалась по крупицам, но каждая из этих крупиц сияла особым, тёплым светом, будь то совместный поход на рынок за свежими овощами, где продавец-бабушка всегда клала им в пакет лишний пучок укропа, говоря, что молодёжь должна питаться правильно, или вечерние посиделки на кухне, когда мать приносила на стол только что испечённый пирог с яблоками, садилась рядом, поправляла скатерть и начинала рассказывать истории из своей молодости, от которых Вадим и Вика смеялись до слёз, а потом вместе убирали посуду, раскладывали книги по полкам и планировали следующий день, наполненный новыми задачами, встречами и маленькими радостями, которые постепенно превращались в большие победы.

Однажды вечером, когда за окном уже стемнело, но в комнате всё ещё царил мягкий свет настольной лампы, они стояли у кухонной столешницы, где Вадим аккуратно нарезал помидоры, а Вика взбивала яйца для омлета, и вдруг она, не отрываясь от миски, спросила его с той самой игривой интонацией, которая всегда заставляла его сердце биться чуть быстрее:

— Помнишь, как мы сидели на той бетонной скамье у третьего подъезда, пили пиво, которое всё время остывало, и боялись, что не сдадим алгебру, а ты тогда сказал, что мы обязательно справимся, и я почему-то сразу поверила, хотя цифры в учебнике всё равно плясали у меня перед глазами?

— Конечно, помню, — рассмеялся он, откладывая нож и подходя ближе, чтобы обнять её за талию, — я тогда так сильно хотел, чтобы ты перестала хмуриться, что готов был решить все уравнения мира, лишь бы ты улыбнулась, а теперь я смотрю на тебя и понимаю, что ты не просто сдала ту контрольную, ты прошла через столько всего, стала сильнее, мудрее и красивее, и я счастлив, что могу быть рядом, когда ты говоришь, что всё получится, и знаешь, я теперь говорю не «получится», а «мы уже делаем», потому что каждое утро, когда мы просыпаемся и идём по своим делам, мы действительно строим наше будущее, шаг за шагом, день за днём, без спешки, но с полной уверенностью, что оно будет именно таким, каким мы его видим сейчас.

Она засмеялась, поцеловала его в щёку и ответила, что завтра они обязательно купят новые занавески для кухни, а он кивнул, добавил, что заодно возьмут и семена для цветов на подоконник, после чего они вместе закончили готовить ужин, сели за стол, позвали мать, и за чашкой ароматного чая, под негромкую музыку и тёплый свет лампы, они говорили о планах на завтра, о том, как хорошо пахнет свежееис-

печённый хлеб, и о том, что жизнь, оказывается, совсем не требует от нас грандиозных рывков, а просто просит быть внимательными, благодарными и готовыми делиться радостью с теми, кто рядом.

На следующее утро Вадим получил официальное назначение в патрульно-постовую службу, надел новенькую, идеально сидящую форму, проверил, всё ли на месте, и вышел из подъезда с лёгким шагом, чувствуя, как утренний солнечный свет играет на погонах, а Вика, надев свой белоснежный халат, повесила на шею бейдж с именем и улыбнулась прохожим, зная, что через несколько часов они встретятся снова, чтобы вместе варить кофе, смеяться над случайными историями и продолжать собирать свою жизнь по крупицам, превращая каждый обычный день в маленькое чудо, потому что в этом городе, в это время, с этими людьми, им больше ничего и не требовалось, кроме взаимной поддержки, тихой радости и твёрдой веры в то, что впереди их ждёт только светлая дорога, по которой они пойдут рука об руку, не спеша, но непременно вперёд.

Глава 7. Зимнее тепло

Декабрь в этом году опустился на город не серой пеленой, а мягким серебристым покрывалом, когда каждый вечер уличные фонари зажигались чуть раньше, отбрасывая на заснеженные тротуары длинные тёплые блики, а витрины магазинов, украшенные мишурой и гирляндами из цветного

стекла, напоминали скорее окна в детские сны, чем торговые прилавки и именно в такое время Вадим шагая по знакомым маршрутам в новенькой форме, чувствуя как шерстяной воротник приятно греет шею, а тяжёлые ботинки уверенно оставляют ровные следы на свежевывавшем снегу, с каждой сменой убеждался, что служба это не просто набор инструкций и нарядов, а живой пульс города, который бьётся в такт шагам тех, кто готов прийти на помощь, выслушать, поддержать и просто быть рядом в нужный момент, ведь даже обычная проверка документов у пожилого мужчины, который растерялся на заснеженном перекрёстке, превращалась в спокойную, неторопливую беседу о дорогах, о зиме, о том, как важно вовремя вернуться домой, где уже ждёт горячий ужин и знакомый голос, спрашивающий, как прошёл день, и как здорово осознавать, что ты не просто выполняешь работу, а становишься частью той невидимой сети, которая держит людей, когда вокруг холодно.

Вика же, проводя дни в поликлинике, где радиаторы отопления тихонько гудели, наполняя кабинет сухим, обволакивающим теплом, а на подоконниках красовались горшки с рождественскими звёздами, подаренными благодарными пациентами, постепенно осознавала, что медицина это не только рецепты и процедуры, но и искусство слышать, чувствовать, улавливать те незримые нити, которые связывают людей, когда им страшно, больно или просто одиноко, и когда однажды к ней пришла молодая девушка с панической ата-

кой перед прививкой, Вика не стала торопить её, а просто села рядом, взяла за руку, заговорила тихим, ровным голосом о том, как зимой деревья отдыхают, набираясь сил для весеннего пробуждения, как каждый человек имеет право на паузу, на передышку, на то чтобы просто дышать, и когда девушка, наконец, улыбнулась сквозь слёзы и тихо сказала «спасибо», Вика почувствовала, как внутри расправляются не крылья для полёта, а корни для устойчивости, крепкие, глубокие, дающие возможность стоять твёрдо на земле и знать, что каждое слово, каждое прикосновение, каждая минута внимания это кирпичик в том доме взаимопонимания, который они с Вадимом строят день за днём, не спеша, но с уверенностью что фундамент уже заложен, а стены растут сами, когда в них верят.

Вечером, когда за окном уже кружились первые крупные снежинки, а в квартире пахло мандаринами, корицей и свежесваренным какао, они собрались на кухне, где мать Вадима, улыбаясь, раскладывала на столе ёлочные игрушки, доставая из старых картонных коробок стеклянные шары с потёртыми краями, которые хранили в себе отголоски её молодости, и Вадим аккуратно вешая гирлянду на карниз повернулся к Вике, чьи глаза сияли отражением тёплого света, спросил её с той самой лёгкой улыбкой, которая всегда заставляла время замедляться, позволяя каждому слову найти своё место:

— Знаешь, я сегодня снова думал о том разговоре у третьего подъезда, когда мы боялись алгебры и мечтали о чём-то большем, чем просто дожить до конца четверти, а теперь смотрю на тебя, на маму, на эти шары, которые висят на ниточках, но держатся крепко, и понимаю что всё о чём мы тогда шептались в полутьме, уже происходит, только не в виде громких побед, а в тихих радостях, в запахе выпечки, в твоём смехе, в том как ты поправляешь мне воротник перед выходом и мне хочется спросить тебя не как дела, а что ещё мы хотим добавить в нашу картину, потому что холст уже полон, но места для новых красок ещё хватает?

— Ой, ты сегодня особенно поэтичен, — рассмеялась она, подходя ближе и поправляя ему погоны, чувствуя под пальцами тёплую ткань формы, которая уже перестала быть чужой, — но если отвечать серьёзно, то я хочу, чтобы в нашей картине было больше света, больше окон, через которые видно небо, больше моментов, когда мы не просто выживаем, а живём, и знаешь, я уже не боюсь ошибок, потому что понимаю, что они просто штрихи, которые делают рисунок объёмнее, а если ты спрашиваешь про планы, то я думаю о том, чтобы весной купить те самые семена для балкона, завести маленький ящик с зеленью, чтобы ты, возвращаясь с ночной смены, видел, как что-то растёт, пока ты спишь, и чтобы мы вместе поливали его, смеялись над тем, как укроп тянется к свету, и говорили о том, что жизнь это не спринт, а долгая прогулка, где каждый шаг имеет значение, и каждый пово-

рот ведёт туда, куда мы сами решили пойти.

Мать, слушая их, молча налила чай в три одинаковые чашки, поставила на стол тарелку с домашним печеньем, украшенным сахарной пудрой, и сказала тихим, но твёрдым голосом, в котором звучала та самая мудрость, что приходит только после долгих лет тихой работы и любви без громких слов:

— Вы знаете, я всегда верила, что счастье не падает с неба, а собирается по крохам, как эти крошки от печенья, которые мы потом сметаем со стола, но не выбрасываем, а отдаём птицам, чтобы и они радовались, и когда я смотрю на вас, то вижу, как вы уже умеете собирать эти крохи, превращать их в узоры, в уют, в планы, и мне не нужно желать вам ничего большего, кроме того чтобы вы продолжали идти рядом, не спеша, но непременно вперёд, потому что всё что вы делаете вместе, уже правильно, уже светло, уже по-настоящему и я рада что могу просто быть рядом, наблюдать, как вы растёте, как ваш мир становится шире, теплее, надёжнее.

Новый год они встретили именно в такой атмосфере, в той самой двухкомнатной квартире, где окна давно покрылись уютным инеем, а воздух был густым от аромата запечённой утки с яблоками, корицы и мандариновой цедры, когда гирлянда из тёплых жёлтых огоньков мягко переливалась на ёл-

ке, украшенной стеклянными шарами, бумажными ангелочками и самодельными снежинками, которые Вика вырезала ещё в декабре, и когда за столом, покрытым вышитой скатертью с мелкими васильками, они сидели втроём, не спеша наливая чай в любимые керамические чашки, слушая, как за окном тихо падают крупные снежинки, и чувствуя, что этот вечер не требует громких тостов или шумных компаний, а довольствуется тихим стуком вилок, смехом над старыми семейными историями и тем особенным теплом, которое возникает только тогда, когда люди рядом друг с другом не из обязанности, а по зову сердца, и когда Вадим поднял свой стакан, глядя на Вику и на мать, он сказал, что эта жизнь, которую они строят, уже стала для него настоящим подарком, на что Вика, смеясь и чокаясь с ним, ответила, что самое ценное в подарках - это не обёртка, а то, что спрятано внутри, и именно возможность быть собой, рядом с теми, кто понимает без слов, а мать, подливая чай в пустые чашки, добавила, что главное это не ждать чуда а создавать его своими руками, и пока в комнате звучал тихий смех и звон вилок, они понимали что этот вечер навсегда останется в памяти как момент, когда время остановилось, чтобы дать им передышку перед новыми, светлыми шагами.

Зима тем временем шла своим чередом, а Вадим продолжал откладывать деньги с той же спокойной, радостной настойчивостью, с которой он подходил ко всему в своей жизни: каждую неделю он аккуратно откладывал часть зарплаты

и подработок в ту самую деревянную коробку из-под лото, которая стояла на верхней полке шкафа, а когда накопленной суммы хватило на обучение в автошколе, он без колебаний записался на вечерние занятия с удовольствием погружаясь в мир правил дорожного движения, схем перекрёстков и теории вождения, а по выходным вместе с инструктором отрабатывал плавные повороты, уверенные остановки и мягкие разгоны на заснеженных улицах, чувствуя, как руль постепенно перестаёт быть чужим предметом и становится естественным продолжением его рук, и когда экзамены в ГИБДД остались позади, а в его документах появилось долгожданное удостоверение категории Б, Вадим без спешки, но с уверенным внутренним знанием нашёл ту самую старенькую «девятку» вишнёвого цвета, которая, несмотря на потёртые сиденья, слегка царапанный капот и мягко потрескивающий на морозе пластик торпедо, пахла кожей, старым деревом и чем-то невероятно домашним, будто сама машина ждала именно их, чтобы обрести новых хозяев, и когда он передал продавцу последние купюры, аккуратно положил ключи в карман и впервые сел за руль как полноправный владелец, Вика, сидевшая рядом, тихо взяла его за руку и прошептала, что теперь у них есть не просто средство передвижения, а маленький мир на колёсах, который будет везти их сквозь дожди и снега, через рынки и поликлиники, от работы до дома, и этот мир уже стал их.

Покупку, конечно же решили отметить по-доброму и по-

домашнему, собравшись за тем самым кухонным столом где ещё вчера пахло корицей и свежей выпечкой, а сегодня уже стояли графин с лёгкой домашней наливкой, тарелки с хрустящими соленьями, которые мать Вадима бережно закатывала с лета, и большой ломоть ржаного хлеба, и когда за окном тихо кружился последний снег, а внутри разгорались тёплые разговоры, Вадим поднял стакан, глядя на Вику и на мать, и сказал, что эта машина не просто кусок металла и резины, а новый шаг в их общей жизни, который они сделали не для показухи, а для того, чтобы каждый вечер иметь возможность доехать до дома с улыбкой, зная, что впереди их ждут надёжные руки, чистые стёкла и верный мотор, на что Вика смеясь и чокаясь с ним, говорила что теперь у них есть четвёртый член семьи который будет ворчать на морозе, но никогда не подведёт, а мать, подливая чай в пустые чашки, добавила, что главное - это не марка и не год выпуска, а те руки, что крутят руль, и те сердца, что бьются в такт с его двигателем, и пока в комнате звучал тихий смех и звон вилок, они понимали, что этот вечер навсегда останется в памяти как момент, когда мечта наконец обрела форму, запах бензина и кожаного салона.

На работе в патрульной службе новость о покупке приняли с тем самым спокойным мужским одобрением, которое не требует громких слов, но проявляется в крепких рукопожатиях, в искренних улыбках в перерыве между нарядами, когда старший наряда похлопал Вадима по плечу и сказал, что

теперь ему будет легче заступать на ночные смены, зная, что есть свой транспорт, а смена дружно пожелала ему ровных дорог и ни гвоздя, ни жезла, добавив, что в их деле главное — это надёжность, и она теперь есть не только в словах, но и в брелоке от ключей, который Вадим уже положил в карман формы, а подруги Вики в колледже, узнав о машине, встретили эту новость с лёгким, игривым восторгом, когда Аня, смеясь, заметила, что теперь их совместные прогулки превратятся в маленькие путешествия, а Лена, поправляя очки, сказала, что вишнёвая «девятка» — это классика, которая не кричит о себе, но умеет дарить уют, и когда они в следующий раз встретились у ларька, то уже не просто пили чай из термоса, а делились планами на весенние поездки за город, обсуждая, куда повезёт их новая подруга на колёсах, и в этих разговорах не было ни зависти, ни спешки, только тёплое чувство общности и тихая радость за то, что у их подруги теперь есть свой маленький мир, который она строит вместе с тем, кого любит.

Вечера после смены и учёбы они стали проводить в соседском гараже, который хозяин, добродушный дядя Коля, с радостью отдал им в распоряжение на несколько месяцев, и там, под мягким светом одной лампочки, пахнущей машинным маслом, сухой древесиной и металлической пылью, они вдвоём, не торопясь, превращали старенькую вишнёвую «девятку» в нечто большее, чем просто средство передвижения, бережно зачищая мелкие царапины на крыльях специ-

альной пастой, протирая салон от пыли и следов времени, меняя фильтры и проверяя каждый болт, каждую клемму, каждую шланговую трассу, пока Вадим, стоя на коленях с набором инструментов, с тихим сосредоточением готовил узлы и агрегаты к долгой службе, подтягивая хомуты, меняя свечи, проверяя натяжение ремней и слушая, как мотор, постепенно оживая, начинает работать ровно и уверенно, а Вика, сидя на складном стуле, аккуратно мыла стёкла, протирала панель мягкими салфетками, раскладывала по кармашкам в дверях маленькие ароматизаторы с запахом хвои и просто наблюдала за тем, как его руки, такие сильные и уверенные, с нежностью касаются металла, будто это живой организм, которому нужна забота, и они делали это не спеша, с той самой любовью, которая рождается не из желания обладать, а из готовности ухаживать, ведь для них эта машина уже давно перестала быть просто покупкой, став новым членом семьи, который будет возить их к маме, на рынок, на смены, в поликлинику, в гараж, а потом обратно домой, и каждый вечер, когда они закрывали ворота, оставляя внутри чистый, ухоженный автомобиль, они знали, что завтра он снова будет ждать их, готовый к дороге, к весне, к жизни, которую они продолжают собирать по крупицам, но уже с уверенностью, что у них есть крылья, пусть и маленькие, пусть и с мотором, но свои, надёжные и верные.

И так, не спеша и размеренно, наступила весна, когда снег окончательно уступил место тёплым проталинам, воздух на-

полнился запахом тающей земли и набухающих почек, а солнечные лучи, проникая сквозь чистые стёкла машины, рисовали на приборной панели золотистые блики, и Вадим, выезжая со двора на рассвете, уже чувствовал, как руль мягко ложится в ладони, а Вика, сидя рядом, смотрела в окно и улыбалась, зная, что впереди их ждёт не просто дорога, а целая вселенная возможностей, где каждый поворот — это шанс увидеть что-то новое, где каждая остановка это возможность сделать доброе дело, где каждый вечер, это возвращение туда где пахнет кофе, свежей выпечкой и домом, и пока мотор тихо урчал на холостых, а дворники мягко смахивали первую весеннюю пыль с лобового стекла, они понимали, что жизнь, которую они строили шаг за шагом, наконец обрела свой ритм, свой свет, своё тепло, и что всё, что они делали вместе, уже имеет смысл, уже приносит радость, уже становится историей, которую они будут рассказывать не с гордостью, а с тихой благодарностью за то, что им выпало идти рядом, рука об руку, не спеша, но непременно вперёд.

Глава 8. По велению сердца

Весна в этот год наступила не по календарным срокам, а по самому дыханию земли и сначала она была робкой и едва заметной, но с каждым днём становилась всё увереннее, тяжелее и звончее. Берёзы распускали почки, будто маленькие изумрудные свечки, которые дрожат на ветру но не гаснут. Воздух стал прозрачным и наполненным щебетом воз-

вратившихся птиц, далёким гудением тракторов на окраинных полях и тем самым сладковатым, немного дурманящим ароматом цветущей черёмухи от которого кружится голова и хочется просто стоять на месте, закрыв глаза и дышать полной грудью. Вика шла по знакомой тропинке к колледжу и чувствовала, как с каждым днём мир вокруг оживает, будто сбрасывает с себя тяжёлую, промозглую зимнюю шкуру и как её собственная жизнь тоже расправляет крылья, потому что учебный год наконец-то закончился. Зачётка пестрела аккуратными, словно выведенными каллиграфом пятёрками, а в голове ещё стоял лёгкий, почти невесомый восторг от того, что всё получилось именно так как она хотела. Она даже купила себе новый блокнот с твёрдой обложкой и тонкой кожаной закладкой, который стал маленьким но очень важным символом пройденного рубежа и тихой, непоколебимой уверенности в завтрашнем дне.

Вадим менялся иначе, ведь работа в полиции не терпела никакой романтики, она требовала чёткости, выносливости и умения держать удар когда вокруг тебя рушатся иллюзии и ты видишь людей такими, какие они есть на самом деле. За этот год он окончательно подзаматерел, плечи стали шире, осанка собраннее, взгляд спокойнее и увереннее, но внутри он сохранил ту самую честность и порядочность которые не позволяли ему закрывать глаза на несправедливость или играть по двойным стандартам. Он стал немного жёстче по отношению к тем кто переступал черту, кто пытался исполь-

зовать силу или чужую слабость, но с Викой он оставался прежним, нежным, внимательным, без лишних слов и показной крутости. Когда они сидели вечером на балконе и пили пиво, то смотрели как город загорается тысячами огней, он сказал ей тихо, но очень уверенно:

— Знаешь, я чувствую как по немногу меняюсь, просто начинаю называть вещи своими именами и видеть мир таким какой он есть на самом деле. Если кому-то это кажется жёсткостью, пусть так и будет, потому что я не могу позволить себе быть мягким, иначе сожрут и не подавятся. Но для тебя, котёнок мой, я всегда останусь всё тем же любящим и открытым.

Она слушала и чувствовала как его слова ложатся на душу тяжёлым, но надёжным пледом. Положив свою нежную ладонь на его руку, посмотрела ему прямо в глаза:

— Я не жду от тебя идеального мира, родной, всё прекрасно понимаю и вижу тебя настоящего, мне всё равно что говорят или думают другие. Любая работа накладывает свои отпечатки, к сожалению не без этого, ведь не возможно не замараться, когда разгребаешь дерьмо по пояс.

Он усмехнулся и провёл кончиками пальцев по её щеке, ему нравилось их взаимопонимание, в наше время это редкость и он это прекрасно осознавал.

Как то вечером они решили дойти до старого болота, до «тёмных вод» где раньше любили проводить время, туда где тропинка превращалась в утоптанные мостки, где стояла их лавочка. Они взяли по паре бутылок тёмного пива и просто решили посидеть в тишине, отдохнуть от работы и стен квартиры, без лишних слов, чтобы побыть наедине с собой и друг с другом, пока весенний воздух ещё не остыл, а небо не окрасилось в лилово-оранжевые тона. Но по дороге из тёмных, густых кустов между старых и ржавых гаражей им на встречу вынырнули двое залётных наркоманов, с мутными, стеклянными глазами и характерной дёрганной, суетливой походкой тех, кто давно потерял связь с реальностью и живёт только в своём искажённом мире. Один из них что то буркнул другому и тот бросил пошлую, липкую фразу направленную в их адрес.

— Ни чё се тут соски шарятся, на отсос не бось ведёшь, почем снял, может на троих распишем её, а? Поделишься по братски с нами?

Вика почувствовала, как внутри всё сжалось, стало не по себе, будто воздух вдруг стал тяжёлым, а кожа покрылась мелкой, холодной рябью. Но Вадим не произнёс ни слова, он просто шагнул вперёд и коротким, поставленным ударом разбил нос хаму, заставив его замолчать. Второй схватил стеклянную бутылку, размахнулся и с силой разбил стеклян-

ную её об угол гаража оставив в руке острую, неровную розочку. Он сделал выпад вперёд пытаясь пырнуть Вадима в бок, но тот молча выбил стекло резким, точным движением рук и нанес удар ребром ладони в горло нападавшему, тот отшатнулся и замер - он не мог дышать, жадно хватая воздух ртом и держал себя за горло, а Вадим тем временем схватил его за грудки и ударом головы вырубил его. Увидев происходящее, первый наркоман бросился бежать, но он не стал его догонять, лишь вытер руки о штаны и повернулся к Вике, протянул ладонь и спокойно спросил:

— Ты как, не сильно испугалась? Вот с такими уродами мне и приходится работать, они по другому не понимают, их только пиздить надо. Ну так что, продолжим наш путь?

Она кивнула, но внутри уже знала что этот вечер останется с ней надолго и не как страх, а как тихое, глубокое осознание того, что порой необходимо действовать на опережение и действовать жёстко, ведь может случиться так что Вадима просто не окажется рядом и всё может закончиться очень печально для неё. Вот тогда она и задумалась, что не плохо бы и ей научиться постоять за себя. Они продолжили свой путь и уже скоро оказались на своём месте, за разговором Вика намекнула Вадиму, о том что она хочет что бы он научил её драться, а точнее научил её самообороне. В ответ он лишь усмехнулся и закурил сигарету...

— Я могу показать и научить тебя как правильно держаться в таких ситуациях, поставлю тебе удар и научу пару тройкам приёмов, но пока не у тебя не будет практики в виде спаррингов, ты не переборешь себя и не сможешь преодолеть свой страх перед первой дракой, поэтому я тебе посоветую записаться в секцию, на самбо. Между прочим в нашей школе одна такая есть и не далеко от дома.

— А ты сходишь со мной туда? Просто одной как то не ловко будет идти туда, вместе поговорив с тренером, я посмотрю как там у них.

— Вот и договорились, на новой неделе займёмся этим , в пока я сам схожу туда и всё разужнаю.

Посидев еще не много они пошли домой, стало уже темнеть и Вика на фоне последних событий решила что надо возвращаться по раньше. Всё случилось, как он и обещал - на новой неделе они вместе сходили в секцию на пробное занятие, где она смотрела на тренировки других, разговаривала с тренером и попробовала себя в этой роли впервые. Так и начались новые дни, с ежедневными тренировками и желанием стать лучше, сильней и выносливей. Дни летели один за другим, недели сменяли друг друга.

Лето пришло не резко, а постепенно и сначала дни стали просто длиннее, потом воздух начал густеть, наполняясь запахом раскаленного бетона и горячего асфальта. В конце

июня Вика решила бросить тренировки, так как у неё почти не оставалось времени и сил, ведь она совмещала их с работой и ей было тяжело. Самое главное она вынесла для себя - она научилась не бояться драки а бить первой, да и кое каким приемом она овладела с лёгкостью. Вадим же с одной стороны даже был рад, что всё так закончилось, ведь ему было жалко её, когда она приходила домой вся в синяках с тренировок и просто лежала на кровати, пытаясь перевести дух. И вот когда Вадиму дали полноценный отпуск, они решили не терять ни минуты, и поехать на целую неделю на озеро - ведь что теперь у них была своя машина, старенькая но верная вишнёвая девятка, которая стала для них как член семьи. Они выехали на рассвете когда город ещё спал, а асфальт блестел от утренней росы отражая небо ещё не до конца освободившееся от звёзд, дорога вела их сквозь поля и перелески, мимо редких домиков с покосившимися крышами, будто сама местность провожала их в то место, где время течёт иначе, где нет начальников, нет тревог, а есть только вода, ветер, горы и они двое. Озеро встретило их зеркальной гладью, окаймлённой высокими камышами и вековыми соснами, чьи стволы покрылись лишайником, будто древними рунами, вода была прохладной, почти ледяной, но такой чистой, что видно было каждый камешек на дне, каждую водоросль, колыхающуюся на лёгком течении, и они разбили палатку на пологом берегу, в тени развесистой берёзы, чьи ветви свисали почти до земли, создавая естественный шатёр.

Целую неделю они жили в этом ритме, просыпаясь задолго до рассвета и ловили рыбу, купались в озере пока туман ещё стелился над водой, превращая озеро в призрачное, мерцающее зеркало, а днём играли в волейбол и бадминтон, загорали и готовили обед в казане на костре. Вечером же они жарили шашлык, который шипел на шампурах, капал жиром на угли, поднимая ароматный дымок который смешивался с запахом хвои, озера и прогретой земли, пили пиво и слушали как квакают лягушки и шуршит ветер в кронах деревьев, а потом Вадим включал в машине магнитолу и колонки начинали мягко и басисто играть танцевальными ритмами, музыку было слышно далеко и они зажигали, танцуя у костра, смеясь и кружась на песке у воды пока звёзды не начинали падать вниз, а пепел не поднимался в воздух мелкими серыми хлопьями. Они разговаривали мало, но каждое слово было как камень, брошенный в тихую воду, расходилось кругами, оставаясь надолго, и когда Вадим наконец заговорил, глядя на огонь, он сказал тихо, но очень глубоко:

— Ты заметила как всё вокруг меняется, когда мы здесь, я не про погоду, я про то, как мы сами дышим иначе, как плечи опускаются, как мысли перестают крутиться по кругу и просто ложатся на землю, как листья что падают с деревьев осенью и я хочу, чтобы мы запоминали это состояние, потому что оно настоящее, оно наше и никакая суета его не отнимет.

Вика повернула голову, посмотрела на него, глаза блестели в свете костра и она ответила, не отводя взгляда:

— Я заметила что когда ты рядом, мне не нужно притворяться сильной, я могу просто быть самой собой и это самое редкое что у нас есть в этом мире, где все постоянно бегут, требуют отчётов, ждут результатов, а здесь только ты, только я и эта вода, которая ничего не спрашивает и ничего не требует, и я хочу чтобы мы возвращались сюда, хоть на пару дней, лишь бы вдвоём, только ты и я, и эта природа.

Вадим кивнул, положил руку на её колено, сжал пальцы и прошептал:

— Будем возвращаться сюда каждое лето, теперь у нас есть машина и она на уверенном ходу, мне так хорошо здесь с тобой, вот бы иметь свой дом на берегу реки или озера, было бы здорово. А пока мы будем дышать этим воздухом и наслаждаться отпуском.

На закате последнего дня они сидели на берегу, слушая, как вода тихонько плещется о камни, как где-то вдалеке кричит ночная птица и как ветер приносит запах остывающих углей. Вадим вдруг замолчал и достал из кармана маленькую бархатную коробочку, открыл её, показывая Вике скромное золотое помолвочное кольцо с небольшим камнем, который ловил последние лучи солнца, и он не говорил длинных ре-

чей, просто посмотрел на неё глубоко и тихо спросил:

— Вика, ты выйдешь за меня? Не потому что так надо, не потому что время пришло, а потому что я не представляю своего утра без твоего голоса, своего вечера без твоего смеха, своего будущего без тебя рядом.

Вика почувствовала, как глаза мгновенно заволокло слёзами, а внутри всё затрепетало... Она засмушалась и опустила голову, прошептав то самое заветное «да», после чего сильно прижалась к его груди, чувствуя как бьётся его сердце, ровно и сильно, как его руки крепко и бережно обнимают её, будто обещая что больше никогда не отпустит. Он гладил её по волосам, целовал макушку и шептал, что теперь всё будет по-другому, что они начнут строить свой дом, свой мир, своё тихое убежище, где никто не сможет нарушить их покой.

Собираться домой они начали нехотя и медленно сворачивая палатку, укладывая вещи в багажник, каждое их движение было пропитано тихой грустью, потому что хотя с мамой Вадима жилось мирно и тихо, обоим в душе хотелось своего собственного угла где не придётся прислушиваться к шагам в коридоре, где можно будет предаваться любовным утехам без оглядки и стеснения, где можно будет готовить завтрак в пижамах и спорить о том, чей черёд мыть полы, ведь отдельная жизнь всегда казалась им лучшей, более взрослой и настоящей. Когда они уже стояли у открытого ба-

гажника, Вика тихонько вздохнула и сказала, глядя на воду:

— Знаешь, твоя мама замечательная, она меня приняла как родную и я её очень уважаю, но мне иногда кажется что мы живём в гостях, даже когда находимся в своей комнате. Я хочу просыпаться и знать, что этот ключ только наш, что мы можем не закрывать дверь и не выключать свет, просто быть собой, без оглядки, без полутонов, без тихих шагов по коридору.

Вадим закрыл багажник, обнял её за плечи и ответил, глядя на дорогу:

— Понимаю тебя и я хочу того же самого, хоть моя мама всё делает для нас и нашего уюта, нам необходим своё отдельное жильё. Мы накопим, мы найдём, мы сделаем это вместе, я обещаю.

По приезду Вика в тот же вечер рассказала обо всём матери и она искренне обрадовалась за дочку, за то что ей достанется такой зять. Ведь Вадим был ей по душе, он был надёжным, честным, уважающим себя и окружающим человеком, и она сказала поглаживая её по руке:

— Дочка, я всегда боялась что ты найдёшь того, кто будет тянуть тебя вниз, но Вадим тянет тебя вверх, к лучшему и

это самое важное так что живите, любите, стройте, мечтайте.

А вот подружки отнеслись по-разному: кто-то скептически заметил, что рано жениться, что надо пожить для себя, нагуляться, посмотреть мир, кто-то позавидовал скрывая это за улыбкой, а та самая подруга из общаги, Аня, искренне обняла её, погладила по плечу и пожелала долгого, крепкого семейного счастья, сказав лишь одно:

— Вы это заслужили, вы через столько всего прошли, вы держитесь друг за друга с самого детства, ч искренне рада за вас. Так что пусть ваша семья будет тихой гаванью, где будет обитать счастье и стабильность.

Вика кивала слушая их и чувствовала, как внутри укрепляется та самая уверенность которая нужна для нового этапа, и она ответила Ане, глядя ей прямо в глаза:

— Спасибо, подруга, за то что ты веришь в нас по-настоящему, потому что мы строим своё счастье, кирпичик за кирпичиком и я не боюсь трудностей, когда знаю что рядом тот, кто всегда поймёт и поддержит в трудную минуту.

Они решили сыграть свадьбу в начале осени, когда на рынке после уборочной продукты станут дешевле, когда удастся подкопить нужную сумму, когда жара спадёт и мож-

но будет просто дышать без напряжения. Вика тут же нашла летнюю работу в поликлинике, помогая в регистратуре, разбирая карты и записывая пациентов, а Вадим после своих нарядов садился за руль и подрабатывал по ночам частным извозом, чтобы накопить побольше на свадебные расходы. Каждый вечер они возвращались уставшие, с тяжёлыми ногами и сонными глазами, но счастливые, зная что всё идёт именно так, как они задумали. Однажды вечером сидя на кухне, когда за окном уже темнело а на столе лежали разложенные по стопкам купюры, Вадим отложил калькулятор и посмотрел на Вику.

— Знаешь, я иногда думаю что мы слишком много работаем упуская что то важное мимо себя, но потом вспоминаю, что это самое важное ждёт меня дома и это ты.

Вика улыбнулась, положила свою ладонь поверх его и ответила:

— Я люблю тебя, родной мой. Ничего, мы прорвёмся, я верю в нас и наши силы.

И так не спеша, но уверенно дни превращались в недели, недели в месяцы, а их жизнь, которую они собирали по крупицам, наконец обрела свой ритм, свой свет, своё тепло, и пока за окном разгоралось летнее утро, а мотор машины тихо

урчал у подъезда, они понимали что впереди их ждёт не просто свадьба, а целая эпоха которую они начнут писать вместе, рука об руку, без спешки, но с полной, непоколебимой верой в то что всё что они делают имеет смысл, приносит радость, уже становится историей которую они будут рассказывать с тихой благодарностью за то, что им выпало идти рядом, не теряя друг друга в суете, а находя себя в тишине.

Глава 9. Подарок судьбы

Осень подкралась незаметно, сменив душную июльскую жару на прохладное, пахнущее яблоками и дымом бабье лето. Подготовка к свадьбе шла своим чередом, не спеша, но с той самой размеренной уверенностью, которая появляется у людей давно определившихся со своим выбором. Они бродили по магазинам, выбирали костюм, платье, кольца, обсуждали меню и списки гостей, и каждый их разговор был наполнен тихим, почти благоговейным вниманием к деталям. Вадим договорился с хозяином местного кафе «Берёзка», старым знакомым по району, который за символическую сумму выделил им зал на целый день, пообещав, что кухня будет работать без перерывов, а персонал, уставший от стандартных банкетов с душой отнесётся к их празднику. Тамадой вызвался быть начальник отдела, майор Сергей Иванович, человек с грубоватым голосом и добрыми глазами, который знал Вадима со времён его первой стажировки и сказал что сам проведёт этот вечер, потому что такие пар-

ни заслуживают настоящего праздника, а не заученных стихов из интернета, Вадим хоть и сомневался сначала, но всё же согласился, понимая что доверие старшего товарища в их деле значит куда больше, чем распиаренный ведущий.

Первый день свадьбы прошёл не так как они мечтали, а даже лучше, конечно не без той нервной дрожи, которая обычно сопровождает подобные события. Зал украшали белые шары и живые цветы, на столах стояли хрустальные бокалы, а воздух был густым от запахов запечённого мяса, копчёной красной рыбы, свежей выпечки и фруктов. Родственники с двух сторон, коллеги по работе, друзья детства и подруги из колледжа сидели за длинными столами, смеялись, чокались, вспоминали старые истории и говорили тосты за молодых с такой искренностью, от которой у Вики наворачивались слёзы. Обошлось на удивление без драк, без пьяных разборок, без тех самых нелепых конфликтов которых они так боялись в глубине души, ведь даже те кто пришёл с тяжёлым прошлым, оставили свои обиды за порогом, поняв что здесь не место для агрессии, а место для тепла. Майор Сергей Иванович вёл вечер мастерски, шутил, подтягивал гитару, давал слово тем, кто хотел сказать о главном и в какой-то момент, когда заиграла медленная музыка, он просто отошёл в сторону позволив молодым танцевать вдвоём, пока остальные аплодировали им не отрывая рук, а Вадим крепко держал её за талию, нежно смотрел в её глаза и шептал на ухо слова которые слышала только она, Вика прижималась к его плечу,

чувствуя, как тяжёлая, многолетняя тревога наконец отступает, уступая место тихой почти детской радости.

Два последующих дня они отметили уже по-своему, на старой даче Вадима, которая досталась им от его отца, они с мамой привели в порядок: покосили траву, растопили баню, разожгли костёр на берегу небольшого пруда, привезли гитару, пакеты с алкоголем и сумки с продуктами. Здесь были только свои: Аня, Лена, Катя, Маша, пару близких друзей Вадима, его мама и мать Вики, и атмосфера была совсем иной без галстуков и каблуков, в свитерах и джинсах, с песнями у огня, с шашлыками на шампурах, с долгими разговорами до рассвета, когда небо становилось прозрачно-синим а над водой стелился лёгкий туман. И именно здесь, на третий вечер, когда друзья уже разошлись по комнатам, а они остались одни у потухающего костра, Вика достала из кармана маленький свёрток. Руки её дрожали, сердце колотилось где-то в горле, а внутри всё сжалось от липкого, знакомого страха: а вдруг он не так поймёт, а вдруг испугается, а вдруг скажет, что ещё не время, ведь они только начинают, только строят, только учатся жить вдвоём. Она молча протянула ему белую полоску с двумя чёткими, не оставляющими сомнений линиями. Вадим взял её, посмотрел, и на минуту замер. Так замер, что даже ветер, шуршавший в листве, будто остановился вместе с ним, его сердце, казалось, перестало биться, глаза широко раскрылись, а губы чуть дрогнули. А потом он резко встал, схватил её за плечи, притянул к себе и

расцеловал, горячо, жадно, со слезами счастья, которые текли по его щекам, смешиваясь с пеплом и ночной прохладой.

Он кружил её на руках, смеялся сквозь слёзы, повторял одно и то же, сбиваясь с дыхания: «Я отец, мы будем родителями, ты слышишь, Вика, мы...»

Она плакала, прижимаясь к его груди, чувствуя, как этот момент навсегда врежется в память, как страх рассеивается, уступая место огромному, почти нежному трепету перед новым, ещё невидимым, но уже абсолютно реальным существом.

— Ты не боишься? — прошептала она наконец, когда он посадил её на колени и укрыл пледом, и голос её дрожал, но в нём уже не было паники, а только тихая, взрослая ответственность. — Мы ещё даже не закончили ремонт, у нас куча учёбы и работы, а тут ребёнок, это же целая жизнь, а мы ещё сами не до конца разобрались в своей.

Он провёл ладонью по её животу, осторожно, почти благоговейно и ответил тихо, но так уверенно, что в его словах не было места сомнениям:

— Бояться не значит отказываться, котёнок мой. Мы пройдем через всё, через бессонные ночи, через пелёнки, через страхи, через то что будет тяжело, но мы сделаем это вместе. Я уже вижу как он или она будет бегать по этому

двору, как будет смеяться, как будет называть тебя мамой, а меня папой и я понимаю что всё что мы делали раньше, все эти годы, все эти трудности, были только ради этого момента. Ты дала мне самое большое что может получить мужчина и я буду беречь вас обоих, пока сердце бьётся, не отступлю и не сдамся, не позволю никому и ничему разрушить то, что мы создаём.

Праздник кончился так же внезапно как начался, уступив место рабочим будням, но теперь эти будни были окрашены совсем иначе. Наступила осень, с её дождями, желтеющими листьями и короткими днями, но внутри у них горел тихий, негаснущий свет. Вадим подал документы на заочное отделение юридического факультета, понимая, что без высшего образования в системе ему не сделать карьеры, а значит не дать семье ту стабильность к которой они так долго шли, и вечерами после смен он садился за учебники, конспектировал лекции, зубрил кодексы, а утром с ясной головой снова надевал форму. Параллельно он перевёлся на должность участкового уполномоченного, потому что там квартиры давали быстрее, да и работа, хоть и непривычная на первый взгляд, оказалась ближе к его натуре. Приходилось больше писать протоколов, проводить беседы, разбирать бытовые конфликты, мелкие кражи, соседские раздоры, но ему это было не в диковинку, он умел слушать, умел гасить конфликт не силой а словом, умел находить общий язык с теми

кто озлоблен, напуган или просто запутался в жизни. Его кабинет стал местом куда приходили не из за наказания, а за советом и Вадим понимал что это не слабость, а настоящая сила.

А походы по врачам стали их новым ритуалом, Вика сидела в очередях женской консультации держала в руках результаты анализов, слушала, как бьётся сердце малыша на УЗИ и каждый раз когда на экране появлялся крошечный, пульсирующий овал, она замирала, чувствуя как внутри разливается тёплое, почти физическое ощущение чуда. Вадим ходил с ней на каждый приём, держал её за руку и задавал врачу вопросы, записывал рекомендации, а вечером читал книги о развитии плода, смеялся над своими нелепыми попытками собрать детскую кроватку и скупал в магазинах всё, что могло пригодиться: пелёнки, бутылочки, мягкие игрушки, которые казались ему смешными, но которые он бережно складывал в угол, будто драгоценности. Реакция родителей превзошла все ожидания. Мама Вадима узнав новость, просто расплакалась, обняла их обоих, перекрестила, а потом начала вязать пинетки и шить распашонки, говоря что наконец-то в доме зазвучит детский смех, а мать Вики, строгая и сдержанная женщина, впервые за долгие годы позволила себе расслабиться, погладила дочь по голове и прошептала: «Будь сильной, дочка, ты справляешься, ты всегда справлялась и теперь у тебя будет ради кого жить по-настоящему». Их жизнь кардинально изменилась, но не сломалась, а за-

играла новыми красками, будто в неё впустили новый свет. Они учились пеленать, готовить простые но полезные блюда. Вадим всё так же откладывал деньги на их будущее, и в этих мелочах, в этих буднях рождалась та самая семья, о которой они мечтали сидя на лоджии и глядя на звёздное небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.